

НВР

НОВЫЕ

РУССКИЕ

ТЁТКИ

Цена в России
договорная.
За рубежом

\$500

**Женщина!
Не смейте
щупать моего
сына!**

**Дуся!!
Ну, убери же
мать!!**

Маргарита Южина

**Маманя!!
Какая ты
на фиг
ягодка?!**

**Дитя
платонической
любви**

ISBN 5-699-14366-1

9 785699 143665 >

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР

Маргарита Южина

Дитя платонической любви

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152575

Южина М. Дитя платонической любви: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21886-8

Аннотация

Жена нечаянно нагрывает, когда ее совсем не ждешь... Ну могли уважаемый санитар Дуся Филин предположить, что в один прекрасный день окажется и мужем, и отцом? Причем как-то сразу и без собственного ведома. Просто выбор юной аферистки пал на него. И это был ее звездный час! Совсем недавно нескладный рохля и плюшка Филин стал умопомрачительно богатым наследником. Решив, что гражданочка очарована не его деньгами, а им самим, Дуся готов подтвердить отцовство. Но девушку сбивает машина, а ребенка крадут. Что же делать? Ну ничего, мамаша Филина в лепешку разобьется, а внучку найдет, невестку к жизни вернет и мальчика своего в обиду не даст!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	67
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

Мусорная звезда

– Дусенька! Булочка моя, срочно выходи за меня замуж! – тупо шутил санитар роддома Вася. – Вообще-то, я пошутил, Дуся, ну тебя в пень, мне твоей милой наивности и на работе хватает. Ну чего ты меня в зад тычешь?! Во, блин! Из-за тебя чуть не рассыпался!!

– Негодяй! – Возмущению Дуси не было предела.

Нет, Дусе, конечно, давно хотелось семьи, но не с Васькой же!! Во-первых, за него не разрешит мамочка, во-вторых, Василий вовсе даже не любит Дусю, а просто зарится на его деньги, в-третьих, Васька уже давно женат, хоть и молодой еще. И потом – что за блажь?! Дуся совсем даже не женщина, а мужчина, то есть по паспорту – Евдоким Петрович Филин, тридцати шести лет, и никакими Васями, Петями, Колями ну нисколько не интересуется! И никогда не интересовался! И главное еще – «булочка моя»! Ну да, он имеет пышный торс, да! И его щеки напоминают праздничный кулич, так ведь хорошего человека должно быть много! А Дуся твердо считал себя замечательным мужчиной. Нет, этот Васька только жизнь портит!

Сегодня Филину попался какой-то бракованный день. Не успел он заявиться на работу, а уже главный роддома, где

Дуся трудился, решил устроить субботник. Это никого не удивило, Матвей Макарович каждый четверг устраивал субботники. Кое-кто даже поговаривал, что так он экономит на дворнике. И в этот раз он сообщил, что надо убрать территорию так, «чтобы все было стерильно, как в пробирке». И немедленно отправил всех на больничный двор. «Всех» – это двух санитаров: Дусю и студента Васеньку. Они и убрали! Но, когда до стерильности оставалось совсем чуть-чуть, прилетела сестра-хозяйка Анна Кирилловна и подняла визг.

– Убийцы! Вы что творите, нелюди?! Это... варварство! Это... кощунство! Мусор надо таскать в специальных... мусорных носилках! На этих мы особо тяжелых беременных в палату доставляем! Они же... почти новые, нетронутые были! Мы даже к ним рожениц не подпускали!

И чего раскричалась? Какая разница мусору, на каких носилках его таскают! Но к главному их таки вызвали. Пришлось бросить драгоценные носилки во дворе и спешить на ковер...

Главврач Беликов Матвей Макарович был степенным мужчиной, невысокого роста, но высокой должности. Его халат всегда безупречно сверкал белизной и хрустел крахмалом, реденькие кудряшки на висках были благородного седого колера, рубашки, которые выглядывали из ворота халата, наводили на мысль о больших деньгах, и вообще по всем меркам за главврача краснеть перед другими роддомами не приходилось.

– Ду... Евдоким Петрович! Сегодня вы умыкнули единственные носилки на весь роддом! – сурово начал Беликов. – И мало того – вы использовали их в грязных целях! Вы осквернили самое святое, что имеется в учреждении, – медицинский инвентарь! Могу ли я уложить на носилки роженицу после того, как вы перетаскали на них всех дворовых микробов?! Нет вам прощения!

Главврач выбрался из-за стола и важно прошелся по кабинету.

– Хотя... Чтобы не быть изгнанными из нашего спаянного коллектива, вы можете купить на свои деньги новые носилки... три штуки!

– И еще пробирок... Матвей Макарович! Еще штук сто пробирок. Скажите ему, что он и пробирки осквернил, у нас уже все переколотились... – раздался под дверью оглушительный шепот сестры-хозяйки.

– И пробирок двести штук, – скорбно добавил Матвей Макарович. – С вашим состоянием это будет незатруднительно. Кстати, где вы оставили носилки?

– Так на этой... на территории же! Да и пусть валяются, они все равно уже... оскверненные, – бубнил Дуся.

– Немедленно верните! – взвизгнул Матвей Макарович. – И довольно меня терроризировать! И все! И ступайте! И не забудьте выделить деньги на новый инвентарь!

Дуся был огорчен. Главный уже давно подбивал своего работника на спонсорство: то грудоотсосы просил купить, то

утки, то клизмы, а то и кресло-качалку себе в кабинет, но всякий раз Дусику удавалось отвертеться, а вот теперь... И где он возьмет те деньги? Нет, конечно, он является богатым наследником, даже очень богатым, но все наследство находится под бдительным контролем мамочки, а уж она-то на пробирки и клизмы точно не раскошелится, и просить бесполезно, не даст!

А тут еще Ва-а-а-ся! Вон, идет скалится во всю пасть! И его главный не ругал, чего с него взять – студент! А вот с Дуси так сразу и новые носилки!

– Давай, шевелись, – бурчал Филин, толкая в спину напарника. – Нам надо еще эти самые носилки Анне Кирилловне сдать.

– Носилки не анализы, их сдать никогда не по... Ого!.. Ни фига себе! Картина! Похоже, нам придется инвентарь не Анне Кирилловне сдавать, а прямо к акушеру Андрею тащить... – вытаращился Вася.

Картина на самом деле была сногсшибательная – на брошенных носилках, поверх прошлогодней травы, возлежала молодая беременная девчонка и изрыгала ругательства.

– Какого черта, мать вашу! Пришла, называется, в роддом! Тащите давайте на операцию, не видите, я уже готовилась?!

– Ха! Приготовилась она! А что, самой в приемную дойти запахло, что ли? – Вася был недоволен. Он вообще старался носилки таскать только порожняком.

– Девушка, и в самом деле, – поддержал его Дуся. – Чего вы тут прямо в позе морской звезды раскорячились? Давно бы уже к Людмиле Ивановне пришли, это у нас бабушка такая, она всех рожениц оформляет, и вас бы оформила...

– Так! – уселась на носилках девушка. – Выступать будем в Большом театре, а сейчас быстренько носилочки схватили, и балетным шагом в роддом!

– Не, Дуся, ну и что с ней делать?

– Я... я не умею балетным... Да еще с носилками, точно не получится, – огорчился тот.

Вася и вовсе расстроился. Снова браться за работу не хотелось и все тут. А девчонка пешком идти совершенно не торопилась. Но, судя по размерам ее живота, по неровному дыханию и капелькам пота на лбу, стоило бы поторопиться.

– Дуся? Кто это у вас Дуся? – дернула бровью девчонка. – Ты, что ли, пузан? Так вот, Дуся моя, можешь не балетным шагом, можешь марафонским бегом, только поторапливайся!

– Я вообще-то вам никакая не Дуся! – дернулся санитар. – А вовсе даже Евдоким Петрович Филин!

– Еще и Филин! Ну что за роддом попался! Санитар – Филин! Нет бы Аистом назвался... Ну давай, Филин, тащи!!

Напарнички крякнули от натуги и поперли будущую мамашу в здание. Сгрузили они дамочку прямо у дверей кабинета приема посетительниц – вредная девка принципиально не хотела даже шагу ступить самостоятельно.

Отделавшись от капризной беременной, Дуся спешно удрал в комнату персонала, рухнул на жесткий казенный диван и расслабился. Любил он вот так полежать, подумать о вечном в рабочее время. И никто не тревожит – все по делам своим носятся, и никто не ворчит, не ругается. Спокойно... Здесь хорошо мечталось о светлом будущем и вспоминались приятные жизненные моменты. Вот так, бывало, полежишь, поглазеешь, как за окном тополь листьями наряжается, глядишь – а рабочий день и скончался. Так бывало частенько, однако не сегодня. У некоей пациентки приключился нервный срыв после родов, и она принялась во все горло верещать арии. Своими дикими воплями она перепугала кормящих мамочек, и у троих немедленно пропало молоко. Медперсонал кинулся успокаивать певицу, но та с приходом зрителей только еще больше воспряла духом. Решено было отвести любительницу опер в самое дальнее крыло и выдать ей «благодарного слушателя», то есть Дусю. Уже через двадцать минут бравый санитар позорно бежал к главному и притворно скусился:

– Матвей Макарович... ой-о-ой, что ж так крутит-то?.. – сложился он пополам. – Вот крутит и крутит... Матвей Макарович, я так подозреваю, что у меня дизентерия...

Дуся старался вовсю. Он даже якобы без сил опустился на директорский диван и продолжал уже там хвататься за живот. Матвей Макарович не любил, когда работники вот так фамильярно пользуются его мебелью. А такую некрасивую

болезнь, как дизентерия, он и вовсе не уважал. А Дуся старался.

– Вот! Слышите, как схватило? Точно говорю – кишечная палочка! Никак нельзя мне с той певицей находиться... заразить могу... Ну надо же, как обидно получилось... А ведь как хотелось оперу послушать! Не судьба, видно, придется домой идти...

Матвей Макарович глянул на часы – стрелки намекали на конец рабочего дня.

– Конечно-конечно, любезный! – закивал лысиной главный. – Я и сам хотел вас пораньше отпустить, вам же еще деньги на носилки в банке снять нужно!

– А... я, пожалуй, сегодня не успею снять... – перекоксился Дуся.

– Успеете, ступайте...

Конечно, ни в какой банк Дуся не пошел. Он собирался прийти домой и насладиться своей коллекцией гусениц, только так он мог успокоиться. Вообще каждый год с приходом весны у него начиналась дикая депрессия. Еще бы! Такое прекрасное время! Пробуждаются назойливые комары, безостановочно плещет молодой дождь, тополя хвастаются первыми слабенькими листочками, а коты по ночам вопят, требуя нежности. У собак рождаются какие-то низменные чувства, даже воробьи заводят новые романтические знакомства, а вот у Евдокима Петровича никаких, даже са-

мых захудалых отношений ни с кем не намечается! И никто, кроме мамани, его не собирается любить! Просто возмутительно, куда смотрит фортуна?! Остается только скорбеть и печалиться.

Не выходя из скорби, Дуся углядел, как из подъездных дверей появилась матушка с огромной торбой – Олимпиада Петровна Филина направлялась на рынок.

– Вот и славно, пусть уйдет, а я просочусь домой незамеченным. А там можно и коллекцию достать...

Однако маменька уходить не торопилась. Она вальяжно расположилась на скамейке, с присвистом вдохнула весенние ароматы и с любовью уставилась на первую травку перед подъездом.

Сам дом был старый и старым был весь двор. И в этом была своя прелесть. Молодые семьи этот район не сильно жаловали, переезжали сюда неохотно, и новеньких уже давненько здесь не видывали. Поэтому старушки добросовестно пытались придумать новые сведения о старожилах. Семья Филиных, которые в одночасье стали богачами, так всколыхнула скамеечную общественность, что соседки напрочь забросили сериалы про любовь, а некоторые даже, страшно сказать, перестали говорить про политику! Олимпиаде Петровне уже который месяц не давали проходу, и та просто плавилась в лучах дворовой славы.

Вот и сейчас – не успела она присесть, а к ней тут же при-

липли соседские старушки с вопросами.

– А скажи, Петровна, правда, что сынок-то твой жуть как богатым сделался? – наседала маленькая, сухонькая Лукьяновна.

– Ну а чего ж я, врать вам буду, что ли? – надменно отвечала Олимпиада Петровна. – Конечно, богатым. Так ведь отец-то у него был вон какой, не вашим мужьям чета!

– Вот ведь правду ж говорят: дуракам сплошное везенье! – сокрушалась соседка с третьего этажа. – Я вот на своего посмотрю, ум есть, а че-то богатства...

Олимпиада Петровна поглядывала на соседок чуть свысока, эка невидаль – ум есть! А чего тогда такой бедный? Ум... Можно подумать ее Дуся совсем недоумок!

– А и как же ты умудрилась-то от такого отца своего недотепу сотворить? – не унималась Лукьяновна.

– Ой, уж вы, бабушка, столько лет живете, а как детей сотворяют, не знаете! Стыдно! Хоть бы какую литературу почитали. Говорят, Камасутра очень для вашего возраста полезна.

– Так я не про чтение, я понять не могу, как он на тебя клюнул-то, богач тот? Ты ж ить и в девках, господи прости, ровно жаба была, вся в бородавках!

– Сами вы, бабушка, жаба! – обиделась новоявленная богачка.

Однако вспоминать молодое прошлое было приятно, поэтому Олимпиада Петровна поегозила на скамейке, сдвину-

ла на левое ушко кучерявый парик и благостно уставилась на реденькие облака.

– Мы в колхозе познакомились, – в который раз начала рассказывать она. – Он студентом был. Там и... полюбили друг друга. А потом Дусенька родился. Я долго не могла студента того отыскать, чтобы, так сказать, его отцовством обрадовать.

– Да и чего со студента возьмешь, верно? – снова влезла Лукьяновна.

– Ну да! Чего там стипендия-то, кошкины слезки, – забылась Олимпиада Петровна. – А потом уже, когда студентик тот вершин достиг и сделался большим начальником, я добралась до него.

– Ну и чо? Неужель алименты платил? – не поверила соседка с третьего этажа.

– А как же! – выпятила тройной подбородок рассказчица. – До самого последнего года. У него, правда, еще дочь была, Дусина сестра, значит, но чтобы отец сына забыл – такого ни-ни! Каждый месяц – алименты: получите, распишитесь! Дусику уж тридцать шесть стукнуло, а он все платил, все платил... Ой, бабоньки, да и чего ему те алименты – крохи! Уж богатым каким он был, студентик мой бывший! У него ж денег – куры не клевали! Вот ими насыпют, а они морды воротят, не клюют!

– Да ну? – изумлялись соседки.

Слушать про жизнь богатую было интересно, прям будто

сериал смотришь. А Олимпиада Петровна красок не жалела, заливалась канарейкой:

– Вот не поверите – стоит холодильник, огромный такой, и весь продуктами забит! Весь! Ну еще другие, конечно, богатства имелись, кроме продуктов... А потом Дусин папочка погиб.

Олимпиада Петровна тоскливо скривилась, вытащила из сумки заранее заготовленный платок, смачно потерла нос и перешла на звонкие рыдания.

– Вот горе-то... – зашуршали старушки.

– И я говорю – горе, – охотно согласилась рассказчица. – Как я печалилась, как кручинилась, все ж какой-никакой, а Дусин родной отец... с алиментами... А уж как Дуся-то горевал, когда наследство получил! Ему ведь и особняк отцовский достался, и конторы какие-то, деньги тоже... только я его к деньгам не допускаю. И к особняку. Еще траур не прошел, года не минуло, нечего отцовское добро разбазаривать.

Старушки задвигались и одобрительно замотали головами:

– И правильно, Петровна, правильно! И нечего! Пусть траур-то блюдет!.. Верно ты сына, матушка, воспитаешь! А то ить щас, знашь, каки хлысты вырастают – прирежут за копейку-то, прости госсydi...

– Слышь, Петровна, – вдруг вспомнила соседка с третьего этажа. – А сестрица Дусина чего? С пустыми карманами осталась?

– Да какие там у нее карманы? – фыркнула Олимпиада.

Про сестрицу Дуси она вспоминать и вовсе не желала. И какая там сестрица? Нагулял ее бывший студентик дочку в законном браке, повесил на шею родственницу, а они теперь делись наследством-то, а оно поди-ка тоже не резиновое!

– Почему это она с карманами? – недовольно пыхтела Олимпиада Петровна. – Там, где она сидит, карманы и вовсе не полагаются. У них там особая мода, в полосочку. В тюрьме она просиживает.

– Ах ты, незадача какая! – снова принялись сокрушаться старушки. – Вот оно до чего богатство-то доводит! А ты, Петровна, держи парня-то, держи!

– Так и без того уж держу, к деньгам доступа не даю, не балую, – тяжело вздохнула Олимпиада Петровна и сложила на пышной груди руки.

Олимпиада Петровна уже казалась себе немножко святой. Все испортила вредная Лукьяновна.

– А вот Акимовна из соседнего подъезда говорила, что ты будто бы сама то добро разбазаривашь, а сына и не подпускашь. Вроде как боисси, что он у тебя деньги-то отымет, вот и куролесишь, а сама трауром прикрываесси? Дескать уже и за границу на курорт летала и планы какие-то строишь, а? Врет поди?

– Ой, бабоньки! – вдруг всполошилась Олимпиада Петровна. – А ведь я с вами заболталась! Как будто у меня дел нет! Это вы, бездельницы, целыми днями можете на лавоч-

ках лясы точить, а у меня скоро Дусик с работы придет!.. Да! А соседке той скажите, пусть не врет! Планы я строю! Да я их давно уже построила!

Олимпиада Петровна шустро понеслась к магазину, высоко подкидывая тучный зад, а Дуся, схоронившись за кустами, по-утиному крякнул. Да! Было времечко! Когда Дуся жил у отца, он там такое дельце раскрутил! А как его уважали! Но это было в прошлом. А сейчас? И маменька денег не дает... Нет, он точно пойдет и скажет завтра главному, что у него депрессия!

Утром на работе он ничего сказать не успел.

Баба Глаша, старенькая санитарка, елозила на первом этаже по полу грязной, хлорной тряпкой. Едва завидев Филина, старушка радостно всплеснула руками и кинулась к нему на грудь.

– Дусенька! Сынок! Ну слава богу, и ты как все! А то ить я думала, юродивый какой!

– Что эт вы, баб Глаша, прямо вся такая радостная? – сурово нахмурился Филин. – У меня тут плановая депрессия, а вам хихоньки! И перестаньте меня вытирать этой тряпкой вонючей! Ну что ж такое, костюм, прям, еще десятилетку не справил, а она его хлоркой...

– Ой, не могу, сурезный какой! – счастливо взвизгнула бабушка и по-матерински, от души, шлепнула санитаря по круглому заду.

– Ну я... это что ж за рукоблудство такое?! – округлил глаза Дуся и воровато оглянулся.

Он, конечно, почитал старость, но с того самого момента, как ему стукнуло тридцать шесть, пощечины ниже спины считал оскорблением.

– Да не пыхти ты, ступай к главному, он все обскажет, – не переставала сиять бабушка.

Дуся решил поскорее удалиться от спятившей санитарки и живенько потрусил по коридору. Однако спокойно добраться до кабинета главного у санитаря не вышло. Пришлось встретиться с парочкой сотрудников, и все они вели себя как-то странно. Сначала удивила молоденькая медсестричка Юленька.

– Хм... А вы гад, оказывается, Филин, – выпорхнула она ему навстречу. – Да-да, подлец и мерзавец!

Дуся нервно сглотнул. Последние две недели он жутко подзревал, что ему нравится именно Юленька, и даже где-то рассчитывал на ответные чувства, и вот тебе пожалуйста!

– Юленька, я не мерзавец вовсе... Вы меня, между прочим, даже местами волнуете...

– Ах каков негодяй! – всхлипнула девушка и залепила пощечину. – Это вам... от всех женщин!

Не успел Дуся как следует проморгаться, как его снова окликнули.

– Эй! Счастливчик! Поздравляю! – высунулся из кабинета Андрей Пряхин, который славился своим акушерским ис-

кусством далеко за пределами роддома.

– С чем?! – начал терять терпение Дуся.

– Иди к главному, он тебе лучше расскажет! А потом, если технические вопросы возникнут: как там и что, ко мне прибегай, – расплылся Андрей. – Расскажу как на духу.

«Никак соковыжималку выиграл, вот они с ума и сходят. От зависти», – решил Дуся и направился к главному за призом.

Была у них в коллективе старая забава – «черная касса». Каждую зарплату все сотрудники исправно сдавали главному по сотне, и каждый месяц кому-то одному на всю сумму покупался бытовой прибор. Считалось, что денег на эти нужные вещи никогда не хватает, вот коллеги и старались – заранее выясняли, что требуется очередному счастливицу, и выбирали покупку. За все время работы Дусе вручали подарок два раза. И оба раза отчего-то китайскую соковыжималку, цена которой в красный день – пятьдесят рублей. Куда уходили остальные сотни, бухгалтерия сурово умалчивала. Соковыжималки стабильно ломались после первого же лимона. Сейчас наверняка подарят новую.

– Здравств, Матвей Макарыч, – появился в дверях главного взволнованный Дуся. – Ну, где она у вас? Сейчас будете вручать или попозже?

– Дуся, вы?.. А... вручать? Хе-хе, да вы шутник, оказывается? Разве их в кабинетах вручают? – как-то рассеянно проговорил главный. Затем вытянулся стрункой, одернул халат

и даже стал волнительно заикаться. – Дус... ся... Мальчик наш... Ев... доким Пет... Петрович! Примите мои... поздравления, хотя... Отчего ж так инкогнито? Как-то, я бы сказал, скрытно? И ведь все равно выяснилось, правда? А мы рады! Вот не поверите! Просто дико рады! Честное слово – рады, и все тут!

Дуся начал подозревать неладное. Такая «дикая» радость настораживала. В последний раз главный бурно швырялся поздравлениями, когда военный муж акушерки Симоновой получил повышение по службе. Вся семья Симоновых тогда срочно переехала в глухую деревушку на Дальнем Востоке, мужа направили именно туда. Сама акушерка ревела белугой, обивала пороги военного начальства и просила не трогать мужа с насиженного места. Но приказ есть приказ. Зато Матвей Макарович искрился бенгальским огнем: «Мы в тебя верим! Ты и там будешь славиться своим умением!.. Мы гордимся! Мы рады, что из нашего рода!.. Мы рады, что твое мастерство!..» Конечно, мастерство! Симонова оканчивала медакадемию и имела все шансы согнать главного с кресла. Но Дуся-то!! За что ему такая радость? Ему уже расхотелось китайскую соковыжималку.

– Ну и чего вы онемели? – лукаво сверкнул очками главный. – Ах, да! Вы же еще ничего не знаете! А мы ведь вам сюрприз приготовили...

– Это зачем же? – насторожился Дуся. Никаких добрых сюрпризов работникам-мужчинам главный отродясь не го-

товил. – Что вам – заняться нечем было? Прямо нельзя домой отлучиться, а они уже с сюрпризами!

Матвей Макарович торжественно вылез из-за стола и потцовски похлопал сотрудника по плечу, и даже пустил в правый глаз слезину.

– Евдоким Петрович... Дуся... Буквально вчера... вы стали отцом! У вас родилась дочь!

– Да что вы?.. – охнул Дуся и опустился рядом со стулом.

– Ну-ну! – крихтел Матвей Макарыч, пытаясь поднять тучного Дусю с пола и переходя на «ты». – Чего уж сразу... об пол биться? Ты не мне кланяйся, Андрюшке спасибо скажи...

Дуся с трудом поднял голову с пола.

– Так это он удружил с дочерью, да? – побелевшими губами пролепетал он.

– Он, а то кто ж! Девочка родилась большая, четыре шестьсот, рост пятьдесят девять сантиметров. Вся в папу!

– А чего вы на меня-то смотрите?! – возмутился Дуся, отпихиваясь от главного руками и ногами. – Нет, интересно, Андрюшка там чего-то намутил, а папаша, значит, я получаюсь, да? С чего вы вообще на меня накинулись?! Я вам никакой не папаша! Откуда у меня дети?! У меня и жены никогда не было!

Главному надоело поднимать орущего санитаря, он махнул рукой, устало опустился на стул и принялся объяснять.

– Не было у тебя жены законной, правильно! Она так и

сказала – мы, дескать, отношения не узаконили, но ребенок Евдокима Петровича Филина! Так что нечего кривляться, иди в отделение новорожденных, я распорядился, девчонки там тебе покажут дочь.

Главврач как мог создавал своему работнику торжественное настроение, однако тот никак настраиваться на торжество не желал. Отчего-то возмущался, махал руками и даже не догадался поблагодарить главврача за заботу.

– Они пока-а-ажут! Это я тут всем сейчас покажу! – окончательно распоясался неблагодарный санитар. – Правильно! Как узнали, что у меня состояние имеется, так и давай теперь от меня рожать все кому не лень! А я ни сном ни духом! Прямо не знают, как денег лишить! Вы тоже, Матвей Макарыч! То вам носилки, то клизмы с пробирками! Где эта мамаша?!

– Так она это... в палате... Правда, она ничего не сообщает сейчас, без сознания, ну то есть роды у нее сложные были, спит сейчас. А... а теперь ее тревожить ни в коем случае не рекомендуется! – растерялся главврач Беликов. – Так это что ж получается – ты не отец, что ли?

Дуся грозно смотрел на главного.

– Дуся, сынок... – все больше распалялся тот, видя такое недоброе лицо. Голос его звенел все выше, и в конце Макарыч даже пустил петуха. – Не смей на меня так глазеть! Я понимаю, ты мальчика хотел... Так это наш Андрюшка сплочовал! Уж не мог мальчугана вытащить... Дуся, какого черта

ТЫ МОЛЧИШЬ?

– Не, я бы, конечно, мог ответить, но ведь вы вроде как начальство... Честно говоря, Матвей Макарыч, вы вот занимаете такой ответственный пост, а мозжечок у вас какой-то недоразвитый! Мальчик, девочка... Это же надо поверить, что я могу отцом стать! Не мой это ребенок! Прямо не мозжечок у вас, а какой-то... мочевого пузыря!

– Та-а-ак, – кончилось терпение у Беликова. – Пузырь, говоришь... В общем так, мамашу эту языками не трепать! Те-му не тревожить! Тьфу ты, черт! Мамашу не тревожить, те-му языками не трепать! Все! Иди работай! Ишь ты, анатом! Пузырь он у меня в мозжечке обнаружил! Чего стоишь?! Работай!

– Ага, работай! А ребенок моим считаться будет?

Дуся быком смотрел на главврача и прерывисто дышал. Главный не знал, что ответить. Честно говоря, он с самого начала сомневался, что ребеночек чистокровно Филин. Но и просто так согласиться...

– Так чье дитё? – чуть не бил ногой пол гневный санитар. И тут главный нашелся.

– Пока в роддоме не появятся новые носилки, ребенок будет считаться... Филиной!

– Давайте лучше Беликовой ее запишем, и мне хорошо, и вам не... – пошел на мировую Дуся.

– Нет уж! Мамочка сказала Филина, значит, так и будет! И нечего женщине нервы трепать, а то и она нам арии голосить

начнет! Все! Иди работай.

Дуся вышел из кабинета главврача взъерошенный, с трясущимся ртом и шальными глазами.

– С прибавлением вас, Евдоким Петрович, – немедленно высунулась из кабинета вредная медсестра Танечка. – А мы доченьку вашу уже видели! Вся такая пузатенькая, лысенькая, глазки заплывшие, и рот постоянно на сторону кривит – титьку ищет, ну вылитый вы! Я думаю, ее тоже Дусей можно назвать!

Дуся долго-долго на нее смотрел, потом по-лисьи оскалился и приторным голосом заговорил:

– Танечка, голубушка, а откуда вы узнали, что это я – тот счастливый папаша?

– Здрате, откуда узнали! У вашей дамы же Юлька все данные записывала! И Людмила Ивановна еще, когда принимала. А ваша жена так и продиктовала, – вытаращила глаза Танечка.

– А как ее зовут-то, жену мою?

– Ну так... Радько же! Ирина Алексеевна. Мы еще с девчонками думали – надо же, вы такой старый, а жену...

Девчонка ни черта не соображала в мужском возрасте. Дуся взвился:

– Какой я старый?! Мне всего тридцать шесть!!! Тридцать шесть!

– Ну! А ей двадцать, – растерянно моргала Танечка.

– Ясно... – дернул к лестнице Дуся.

– Подождите! А когда вы нам будете за дочку шампанское ставить? – завилыла бедрами бесстыдница медсестра.

– Когда родится! – рыкнул Филин и понесся к Юле.

Юленька Сидоренко сидела на третьем этаже и с грустью пялилась в огромное зеркало перед столом. Это она специально притащила такое из дома, чтобы всегда себя лицезреть. Каждую смену оно радовало ее, Юленька была хороша! Но вот сегодня настроение куда-то провалилось и никак не может подняться. А виноват в этом противный санитар! Филин! Ну и дурацкая фамилия! А ведь совсем недавно она хотела ее носить... Да, сначала у Юленьки были некоторые корыстные мотивы, но как-то так незаметно получилось, что она заинтересовалась бугаем Дусей всерьез. И вот тебе финал – у Евдокима, оказывается, есть не только какая-то там незаконная жена, но и вполне родная дочь! И ведь никто даже подумать не мог! Нет, что ни говори, а все мужики просто мерзавцы! Их специально придумали, чтобы безобидным женщинам отравлять жизнь!

– Юленька! – вдруг возник перед медсестрой запыхавшийся предмет ее грусти. – Мне надо с тобой пообщаться!

Девушка обиженно дернула плечиком, тяжело вздохнула и язвительно процедила:

– Вы меня извините, конечно... Но вот вы с одной уже пообщались, она у нас в сто седьмой лежит, а теперь...

– В сто седьмой? Она очнулась, не знаешь?

Дуся совсем не замечал Юлиной грусти, и это злило. Пря-

мо какие-то бесчувственные создания эти мужики!

– Ой, да очнется она, куда денется, – тряхнула Юля кудрями. – Чего вы на стол-то залезли? И еще журнал схватили! Прямо библиотеку он здесь устроил!

Дуся и в самом деле взгромоздился на стол и теперь нервно обмахивался глянцевым изданием.

– Юля, вот ты мне скажи, как тебе эта женщина сказала, что я – отец?

Юля фыркнула. Она сначала решила и вовсе не отвечать, пусть помучается, поймет свое недостойное поведение... И все же не удержалась, тем более что и мучиться вредный Дуся не собирался.

– Это Радько, что ли? – скривила обиженная девушка губки. – Ой, прям такой секрет! Она пришла, карты у нее с собой не было, пришлось писать с ее слов. Вот она и назвала ваши имя и фамилию, чего неясного-то?

– А почему она не сказала, что у нее ребенок от американского президента?

– Так ребенок же не негр! – искренне изумилась Юленька.

– Ну хоть это радует...

Дуся спрыгнул со стола и забегал по комнате так, что девушка не успевала крутить головой.

– Слушай, а ее родные не звонили? Ну там мама, свекровь...

– Вы у своей мамочки и спросите – звонила она или нет, – оттопырила нижнюю губку девушка.

– Хорошо, я так и сделаю, – рассеянно кивнул Дуся и вдруг остановился. – Какая у нее палата, сто седьмая? Ирина Алексеевна?

– По-моему, так...

– Замечательно... Кстати, Юленька, что вы сегодня делаете вечером?

Девчонка только собиралась придумать достойную тираду в ответ, а Дуся уже быстро направлялся в сто седьмую.

Палата считалась одной из лучших, потому что там стоял телевизор. У телевизора еще в прошлом году сторел ки-нескоп, нового так и не поставили, но палату по привычке считали люксовой и отправляли сюда исключительно по бла-ту. Скорее всего Ирина Алексеевна Радько здесь находилась только благодаря своей смелой легенде про отца ребенка. В палате было всего две женщины. Одна лежала накрывшись одеялом почти с головой, другая – молодая жгучая брюнетка, затаив дыхание, подводила глаза.

– Ой! – пискнула брюнетка.

Кисточка из ее рук выпала и начертила скорбную, как у арлекина, стрелу.

– Кто здесь Радько?!

– Радько?..

– Кто из вас родил дочь от Филина?! Признавайтесь! – грозно спросил Дуся.

Девушка принялась испуганно заталкивать кисточку но-

гой под кровать.

– Я... признаюсь, не от филина. От филина не дочери получаются, а птенцы, так ведь? – лопотала прелестница.

– А эта?

Дуся ткнул пальцем в спящую женщину.

– Она тоже... нормального ребенка родила...

– Она долго еще спать собирается? – не мог успокоиться

Филин.

– Она и не собиралась вовсе, но... ей столько лекарства вкатили, теперь, наверное, пока все не кончится...

Дуся тихо подошел к кровати, отогнул одеяло и присвистнул:

– Ага! Так вот кто у нас Ирина Алексеевна! Старая знакомая... Понятно теперь, откуда она мои имя, фамилию знает, сам сказал. Ну прямо подметки на ходу рвут! Нельзя рот открыть!

Девушка была та самая, которая вчера улеглась на носилки с мусором. Ну, пронесло! Теперь Вася может подтвердить, что Дуся видел мамочку «своей дочери» вчера в первый раз. Но только зачем эта странная молодая особа решила «осчастливить дочуркой» Евдокима Филина, оставалось загадкой. Хотя какая там загадка! Узнала небось, что у Дуси не пустые карманы, теперь оформит на него ребенка, а потом Филину и наследством с доченькой делиться придется, чего мудреного-то? А сам Дуся никакого отношения к дитяте и не имеет. Но только как все это рассказать коллегам? Что-

то не больно нравится Дусе роль отца-подлеца, который от собственного чада отказывается.

Помогли сами же сотрудники. В конце смены расторопный Вася собрал в комнате медперсонала стол, то есть купил три бутылки водки для мужчин и карамелек для женщин. На этом его деньги кончились. Прибежали медсестрички, обиженно пофыркали, пошелестели десятками и притащили для себя вина, а для мужчин колбасного сыра. Заглянули врачи, презрительно скривились, и на столе появилась бутылка шампанского и китайские мандарины. Последним заглянул главврач и выгрузил бутылочку коньяка и коробку шоколада.

– Ну все, стол накрыт... – оглянулся Матвей Макарович. – Василий, сходи пригласи виновника торжества.

Однако ходить Василий уже никуда не мог. Он так долго собирал всех, что в конце концов отметил торжественное событие в одиночку – приложился к бутылке и выглотал всю, ему даже закуска не потребовалась.

За Дусей сбегала самая молодая – баба Глаша.

– Вот, Дусенька, здесь мы все за тебя радуемся, – с трудом затолкнула она Дусю в комнату.

– По-здра-вля-ем! – гаркнул мощный хор акушеров-гинекологов.

– Вот уж спасибо... – скривился Дуся. – А деньгами, случайно, не сбрасывались? Очень плохо, вот в прошлом году у нас Еремина родила, так ей деньгами...

– Садись, Евдоким! Денег никто не дал, ну да не в деньгах

счастье, – мудро изрек главный, нашаривая в кармане кошелек. – Наше торжественное собрание хочу начать с небольшого отчета! Итак, за прошедший месяц наш роддом перевыполнил план на семь проце...

Сотрудники как-то скисли и стали с вождедением поглядывать на закупоренные бутылки. А главврач, закатив глазки, все токовал про достижения роддома.

– Друзья мои! – вдруг проговорил Дуся. – Это кто такую замечательную традицию придумал – накрывать стол в последнюю пятницу на неделе? Какой добрый обычай! Предлагаю в следующую пятницу...

– Подождите-ка! – вышел из бумажного гипноза главврач. – Что значит в следующую? У вас еще кто-то должен родиться?

– Не должен. Так у меня и в эту никто не родился! – обрадовался Дуся. – Знаете, если уж честно, Матвей Макарович, так эта традиция все же лучше, чем ваши субботники по четвергам. Кстати, именно на субботнике я в первый раз увидел ту даму, которая решила меня папашей сделать. Честное слово, скажи, Вася!

Вася еще мог что-то говорить, но вот соображать у него уже не получалось.

– Я с-скажу! – неприлично икнул он. – Дуся вчера беременную увидел в первый раз! Да и хрен с ним. Дуська, давай за тебя! Как это ты умудрился дитё родить? А ведь с виду и не скажешь... А давайте споем!

– Нет, подождите, – встrepенулась Юля. – Получается, что женщина вот так вот взяла и наговорила на нашего сотрудника?

– Да, Юленька, представляешь, так меня оклеветать, – жалобно заморгал глазами Дуся.

От сострадания любимой девушки у него запершило в носу и в области желудка приятно потеплело. Дуся даже не поленился подняться и втиснуть свой стул рядом со стулом Юленьки.

– А я считаю, что ни с того ни с сего женщина наговаривать бы не стала! – вскинулась сестра-хозяйка Анна Кирилловна. – Она бы его и имени не узнала!

– Да! И не такой уж наш Филин красавец, чтобы бабы при виде него мужей забывали! – поддакнула старая акушерка. – Боров да и только...

– Позво-о-ольте! Чего это вы обзываетесь? – заморгала глазами Юля.

Она возмущенно задышала и демонстративно начала строить Филину глазки. Но тот сейчас ничего не замечал.

– И все не так было! – пытался перекрычать он сотоварищей. – Она вчера, когда на мусорную кучу улеглась, мы...

– Господи! Так вы ее на мусорке подобрали, что ли? – скривилась Анна Кирилловна.

– А давайте споем! – рявкнул Вася и заорал. – Фи-и-и-илин, здравствуй птица-а-а, так и должно было случии-и-иться-а-а!!

Немедленно из палаты донесся вой нервной оперной роженицы. Даму вчера с трудом успокоили, но сегодня она окрепла и жаждала петь дуэтом.

– Все! Довольно разводить гулянку! – рявкнул главный. – Я и пригласил вас только для последнего отчета. Чтоб потренироваться, так сказать. Сворачивайте пьянку! Тем более что Филин утверждает, будто он и не отец вовсе! Завтра всем рано на смену! А теперь по домам!

Народ по домам не торопился. Брякали ложками, стучали стульями и недовольно бурчали. И все же откровенно перечить начальству не решались, поэтому стали понемногу собираться. Только один Дуся покидать праздник не хотел.

– Нет, ну подождите же! Я еще не допросил Андрея Пряхина! – цеплялся он за рукав главврача. – Вы, Матвей Макарович, идите, ступайте, вы мне уже не нужны, а мы тут тихонечко посидим...

Но Беликов был неумолим. Пришлось Дусе вскарабкаться в «Запорожец» акушера Пряхина и вести опрос по дороге домой.

Дорога была ухабистая, в рытвинах, маленький автомобильчик подбрасывало на каждом камушке, Дуся то и дело долбился головой о потолок, но рот его не закрывался.

– Вот ты, Андрей, как мог поверить, что эта Радько – моя зазноба? Она же ненормальная вся!

– Вот поэтому и подумал! Дуся, посмотри, какой там свет на светофоре?

– Никакого! Там и светофора-то нет. Ты не увиливай! С чего взял-то?

Дуся уже в который раз пребольно долбанулся темечком, а Пряхин как нарочно – так и метил в какие-то ямы и ничего интересного не сообщал.

– Я с чего взял? – всматривался он в темное шоссе. – А как не взять, когда она прямо так и заявила! Да ты не расстраивайся, в понедельник ее родственники документы принесут, там и посмотришь – где прописана, кто ее супруг, все увидишь. А сейчас чего метаться, отдыхай! Кстати, где твой дом-то?

– Да ты его уже проехал! Поворачивай назад! – всполошился Дуся.

В этот день он уже ничего нового не узнал. Но и без того голова растрескивалась, как перезревший помидор. Хотелось только одного – спать. И едва маменька распахнула двери, как измотанный Дусик прошлепал в спальню, молча разделся и рухнул в кровать. И даже словом не обмолвился мамане, что сегодня та стала бабушкой. Правда, совсем не настоящей.

На следующее утро, не было еще и восьми часов, а Евдоким Филин уже размеренно топтал первый этаж роддома.

– И чего топчесси? Токо грязь таскашь! – ворчала баба Глаша, размахивая тряпкой.

– Вы, бабушка, не тыкайте в меня своей шваброй, не ты-

кайте! – гусаком выгнул шею Дуся. – Я тут не грязь таскать прибыл! Я, может быть, Нину Сергеевну жду!

Нина Сергеевна занималась документацией, и если бы родственники странной мамы принесли документы, передали бы только ей. Дусе же просто необходимо было ознакомиться с этими документами, поэтому он и прибыл ни свет ни заря.

– Ой, скажите на милость! – фыркнула баба Глаша. – Нину Сергеевну он ждет! Больно ты ей нужен! Она небось с самого утра на дачу уметелила, у ей там лук сидит, а ты на кой ей сдался?

– Нет, позвольте... Что значит лук? – оторопел Дуся. – А как же работа? К ней документы принести должны, а у нее, видишь ли, лук сидит!

– А ей твои документы... Да и выходной у нее, сегодня ж суббота.

Баба Глаша тяжело вздохнула и еще яростнее принялась тереть несчастные полы. Дуся не знал, что делать. На работе у него был законный выходной, но он не поленился, притащился и, оказывается, напрасно! Было обидно.

– Нет, и чего теперь делать? До понедельника ждать? – высказывал он старушке.

– Хочешь – жди, не хочешь – ступай к молодой жане, поздравь ее, поцалуй в темечко-то, за дочку, – по-мудрому рассудила та.

– Точно! Это вы, баб Глаша, хорошо придумали, с темеч-

ком-то! Она уже не спит?

– Дык кто ж знат? Вобщето дитёв недавно кормить приносили, не должна так быстро уснуть...

Дуся заявился в сто седьмую палату, когда обе мамочки увлеченно беседовали друг с другом, причем на совершенно разные темы. Это, как видно, им нисколько не мешало, и беседа была дружественной и теплой...

– ...Ну и я отказалась стричься, – упоенно делилась жгучая брюнетка со старой «мусорной» знакомой Дуси. – Отказалась! Хотя вот теперь жалею, неплохо было бы по всему черепу такого петушка пустить, как думаешь?

– А я тебе так скажу! После этого Ленка мне не подруга! Она мне то платье не продала! Ты представляешь? – возмущалась в свою очередь Радько. – А там такие застёжки – захлебнуться! Как панцирь у черепахи! И такие же огромные! И не про...

– Ирина Алексеевна! Я к вам! – нагло вклинился в содержательный разговор санитар.

– О! Таксист? – фыркнула Ирина.

Она узнала санитаря с первого взгляда, Дуся специально наблюдал за ее реакцией. Однако бесстыжая женщина даже не подумала покраснеть, а ведь такую бурю устроила в роддоме – Дусю отцом сделала! Теперь она насмешливо мерила Филина глазами и кривлялась изо всех сил:

– Мы куда-то едем? А почему без носилок? Милочка, знакомься – наш санитар! А по совместительству отец моей

крошки! Ты не поверишь, этот сумасшедший меня буквально таскает на руках!

– Конечно, что ему остается? – скривилась Милочка. – На машину-то с его зарплатой за три жизни не скопить!

– Глупенькая! Да разве в деньгах счастье, – в открытую насмеялась Ирина. – Завидуй: с таким мужем жить – каждый день музыка! На него же без смеха смотреть невозможно! Я с ним на театрах экономить буду, и на цирке можно...

Дуся нервно топтался у входа, даже пытался что-то сказать, но дамы его совершенно отказывались замечать. Вернее, они его замечали, но лишь как предмет для дискуссии. Брюнетка даже обошла вокруг гостя, потом царственным жестом поправила куцую косынку на голове и недовольно поморщилась:

– Я тебя, Ириша, не понимаю! Ну и что ты в нем нашла? Ты на его штаны обратила внимание? Том Круз такие бы ни за что не надел! Нет, Ирочка, ты как хочешь, но санитары не мой идеал. А этот просто антипод какой-то! Мешок мешком! Да еще и нищий...

Дуся снова попытался вклиниться в диалог. Он все еще хотел выяснить – как у Радько повернулся язык сморозить про отцовство, когда он точно знает, что никаких детей не имеет. Но его, конечно, не услышали. Потому, что теперь взвилась Ирина Радько.

– Ну и что?! – одернула она на себе полинявший байковый

халат. – Между прочим, я и сама зарабатываю! Да! Зато у моего нет любовниц! Кому он на фиг нужен! И любит он меня одну! А уж теперь, когда я ему дочку родила, попросту свихнется от счастья. Вон посмотри – он, по-моему, уже и так свихнулся, какую-то чушь бормочет... Ты его не слушай, это у него нервное. Он просто млеет от девочек! Из него отец просто эксклюзивный!

– Вот... Вот только не надо этого! – буйволом взревел Дуся. – Вот только... Какие девочки? Что за ерунда, в самом деле?!

– И правда, свихнулся... – сочувственно сморщилась Милочка. – Успокойтесь, мушщина...

Но Дуся успокаиваться не собирался. Он наконец прорвался в разговор и теперь просто не давал дамам открыть рот.

– Что значит – свихнулся?! Ирина Алексеевна! Немедленно признавайтесь, когда это я успел отцом сделаться?! Тем более вашего ребенка! Да я вас вообще не знаю!!

– Чтоо-о-о?! Не зна-а-аешь?! – медленно стала продвигаться к санитару молодая мамаша. – Забыл, значит?!

Радько так обиделась, что лицо ее побледнело от гнева. Дуся на всякий случай попятился к двери.

– Тихо, женщина... Спокойненько... Сядьте на кроватьку...

– На кроватьку?! Ты мне про кроватьку даже не заикайся! Кто меня обольщал столько времени?!

– Господи, неужели я... там на носилках? – лепетал Дуся. – Чем я вас обольстить мог, я же к вам спиной шел...

– Не надо из меня дуру делать! – всерьез прогневалась Радько. – Милочка! Ты посмотри! Он делает из меня дуру! А кто говорил: «Давай создадим прочную, нерушимую семью и скрепим ее доченькой!»?

– Да! Очень любопытно, кто вам такую лапшу навесил? – уперся спиной в двери Дуся.

– Каков подлец... – ухватила Милочка за щеки. – Прямо негодяй...

– Лапшу?! – уже орала на весь этаж счастливая мамаша. – А кто говорил: «Роди мне дитяtko! Мы назовем ее Аленушкой!»?

Ну уж это было откровенное вранье! Дуся от такой наглости просто потерял контроль – он взял с тумбочки пакет с морковным соком и с жадной выглотал сразу половину, а потом уже окрепшим басом возопил:

– Не Аленушкой, а Олимпиадой! Я всегда дочку хотел Олимпиадой назвать в честь мамочки.

– Да! Ты хотел! Но я сказала, что никаких олимпиад! Ты же не председатель спорткомитета! Поэтому только Аленушка!

– А я не Васнецов, чтобы Аленушек плодить! И чем, позвольте, плоха Олимпиада?! Олимпиада Евдокимовна! Олимпиада Евдокимовна Филина!

– Легче застрелиться... – тихо выдохнула брюнеточка.

– А я говорю – Аленушка! – верещала Ирина Алексеевна. В спину Дусю кто-то толкнул.

– Ой, ну чисто голуби... – блаженно млела в дверях баба Глаша. – Дуся, ты бы матери-то уступил, хватит и того, что дитё твою фамилию носит.

– Да вы все сдурели, что ли?! – окончательно вышел из себя «счастливый отец». – Баб Глаш! Ну ты-то чего, в самом деле?!

– А чего я? Дуся, я токо по надобности... – смутилась старушка. – Твою супружницу на уколы требуют. Говорят, чоб не задерживалася...

«Супружница» высоко вздернула голову и промаршировала за дверь, а Дуся еще пару раз раздраженно плюнул и тоже вышел.

– Человек! Женщина с ведром! Кто здесь менеджер по уборке?! – услышал он за своей спиной голос Милочки. – Пол подотрите, а то этот папаша всю палату заплевал! Никакой санитарии...

«Менеджер по уборке» баба Глаша уже исправно утром отмахала тряпкой в этой палате, поэтому на крик даже не обернулась. Она торопилась за Филиным.

Дуся топал к выходу, и щеки его от возмущения дрожали. Нет, это ж надо – Аленушка! Хорошо еще, что маманя не слышит!

Впереди маячила фигурка Радько, а из палат выходили другие женщины и направлялись в процедурный кабинет.

Понемногу гнев Филина утихал и подступала жалость. Почти все женщины были в огромных уродливых шлепанцах, в каких-то сизых полинявших байковых халатах и со спины походили на сгорбленных старушек. Только вот лица почему-то были веселые и счастливые.

«О! Уже все роддома перешли на личную одежду, а наш Беликов все стерильность бережет, – ворчливо думал Дуся. – И чем, спрашивается, хорошенький домашний халатик грязнее этого казенного? Да будь я ребенком, ни за что у такой мамы не родился бы! Надо сказать Беликову... Нет, не нужно говорить, только скажи, он тут же и на халаты деньги станет клянчить. И куда он деваает эти деньги?!»

– Дуся! Сынок! – раздалось за его спиной. – Дуся! Да погодь ты, куды тебя несет?! Прямо как порося к корыту! Обожди!

Дуся остановился и нетерпеливо задергал ножкой.

– Пойдем-ка, я тебе чегой-то покажу... – лукаво играла морщинками баба Глаша.

– Мне уже показали. И не пойду я никуда... вот ведь... прицепи...

Дуся твердо решил больше на бабкины провокации не поддаваться. Но та вцепилась в рукав и волокла его к лестнице. Дуся цеплялся за перила обеими руками, тормозил ногой и извивался ужом.

– Н-не пойду... бабушка, отвязись!

– Да идем, не упирайси! Разе ж я тебя силком-то уташшу,

экого бугая?!

Баба Глаша, похоже, могла утащить еще парочку бугаев, потому что как Дуся ни упирался, а его стремительно волокли на второй этаж.

– Нет, ну прям затаскали совсем... – едва успевал он перебирать ногами. – Куда это вы меня передвигаете?

– Не бубни... Вот! – торжественно затолкала баба Глаша санитаря за стеклянную дверь.

Это было отделение для новорожденных.

– О-ой, кто прише-е-ел, – пропела медсестра Валентина Петровна. – А мы вас раньше ждали. Уже и Матвей Макарович предупредил.

Перед Дусей стояли правильные рядки крошечных кроваток, и в них сопели одинаковые, как бревнышки из поленицы, новорожденные.

– Ну проходите, смотрите свою красавицу, – зазывала Валентина Петровна. – Только халатик накиньте.

Дуся все еще старался вырваться из отделения, но в палате стояла такая тишина, все здесь дышало таким покоем, что брыкаться дальше было просто неуместно. Дуся осторожно, буквально одним глазом покосился на детей.

– Мне не надо красавиц, я вообще ни на кого смотреть...

– Ваша вот здесь, – подвела Валентина Петровна Дусю к высокой кроватке.

И Дуся увидел маленького красного человечка. Ничего особенного. Запеленутый полешком ребенок мирно спал и

ничем не отличался от других таких же. Мордашка маленькая, красненькая, глазки закрыты, а ротик причмокивает. И где тут, спрашивается, красавицу разглядели?

– А вы уверены, что это... мое? – наклонился Дуся.

– А как же! Вот, сами читайте!

Валентина Петровна ткнула обстриженным, ухоженным ноготком в кусочек клеенки, который криво торчал из складки пеленки.

«Филина. Дев. 15.05. 4.600». От этого кусочка клеенки Дуся просто не мог отвести глаз. Надо же! Такая кроха и Филина!

– Нет, а почему ценник нельзя было прямо приклеить?! Чего он скривился-то весь?! – неизвестно отчего разозлился он. – Чем вы тут только занимаетесь?!

– Господи! Да стоит ли так нервничать... – успокаивала «папашу» Валентина Петровна, но тот никого не слышал.

Он чуть дыша разглядывал младенца и даже осмелился потрогать пеленку пальцем.

– Так... девочка, значит... Кто же мне сказал, что дочка толстая, ушастая и вся в меня? Это кто же так ребенка обидел? Нормальная девочка!

– Не нормальная, а просто красавица... – прошелестела в ухо Валентина Петровна.

– Да вы хоть в ухо-то не лезьте! – отбрыкнулся Дуся и важно напыжился. – Вы ее тут, смотрите, голодом не заморите, знаю я вас!

– С чего ж голодом? Их только что кормили.

– А вы подкормите, – наставлял Дуся. – Много ли ребенок таким-то ртом съест? И не жалейте смесей! Небось экономите тут, а потом семью кормите!

– Ой, ну эти папаши, от счастья совсем ум теряют. А уж у кого его и не было... – устало вздохнула медсестра, глядя, как Дуся важно выплывает из отделения.

Он направлялся домой. По дороге ему странным образом попадались лишь мамочки с колясками. Дуся надменно хмыкал.

И что за отцы пошли? Почему бы отцу с ребеночком не прогуляться? Нет, с дочкой он сам гулять будет. Черт, с дочкой... Какая она ему дочка? Ну и ладно! Мамаша сказала, что девочка от него, а ее сейчас нельзя нервировать! В конце концов отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал! И не дело это – с женщинами воевать – с Радько этой и ее крохотной дочерью.

Дома Дуся только и делал, что приучал себя к новому статусу – статусу отца!

– Мама! Ты не хочешь себе ребеночка? Такую маленькую девочку? – рассеянно спросил он.

Матушка старательно мерила новые джинсы, которые купила себе на распродаже. Джинсы явно рассчитывались на молоденькую девушку, потому что расцветки они были легкомысленной – по всей попе разбегались алые сердечки, а на

коленке и вовсе лобызались два розовых голубя. К тому же Олимпиада Петровна урвала не свой размерчик, и красочные штаны никак не хотели вместить хозяйские телеса.

– Ду... сик... – кряхтела почтенная дама. – Протолкни ма-
му сзади, у меня немножко... талия застряла...

– Мама! Я тебе про Фому, а ты...

– А что за Фома? Ты познакомился с новым мальчиком?
Дуся, я тебе сразу говорю – узнай, кто у него родители! Сей-
час с твоим состоянием у тебя столько друзей отыщется...
Кстати, к тебе приходила Сонечка. Она будет ждать тебя
у кинотеатра... Ой, ну теперь немножко живот... вывалил-
ся...

Дуся пропустил мимо ушей известия про Сонечку и бла-
женно растянулся на диване. Ну что Сонечка? Легкомыслен-
ная девица, сторожит его уже который месяц, все пытается
затащить в загс. Странно, что не позвонила еще и Люся, то-
же надеется с ним в загс сбегать. Обе девицы – старые знако-
мые и про наследство знают не понаслышке. Девушки меч-
тают о материальных благах, совсем еще глупенькие. А вот
он – Дуся... Он уже отец, и некогда ему бегать по загсам да
кинотеатрам... И все же как дочку-то назвать?

– Мама! Я тебя спросил – хочешь ли ты маленькую, но-
ворожденную девочку? – снова спросил он.

– Новорожденную? – опешила Олимпиада Петровна. – Ну
конечно, мамочка у тебя еще молодая, но чтобы родить де-
вочку...

– Я сам! Я сам... собираюсь родить! – гордо оповестил Дуся.

– Фу ты, а я думала что-то серьезное. Дуся, детка, не смей забивать голову всякими пошлостями! Возьми лучше Душеньку и сходи с ней на свежий воздух. Она абсолютно задыхается в панельных домах!

Дуся вздохнул, сгреб маленькую терьериху и побрел на прогулку. Душенька вообще-то прозывалась Дусей и названа была именно в честь Филина. Была она из той, из прошлой жизни, про которую Евдокиму не всегда хотелось вспоминать. Там были отец, сестра, Сонечка, Люся, недотепы-охранники, коттедж, шикарные машины, ну, в общем, все, как у состоятельных людей. И Дуся там тоже жил, и жил неплохо. А потом все рухнуло, рассыпалось, осталось только наследство, и вспоминать об этом не хотелось. Даже несметные богатства его не сводили с ума. Кстати... богатство... Радько Ирина Алексеевна, которая упрямо врет, что девочка – дочь Дуси, похоже, не знает, что Дуся богатый наследник. Точно – не знает. Иначе она бы мигом заткнула рот этой Милочке. И на талантливую актрису Радько не тянет, значит, не притворяется. А если не знает, зачем ей нужно навязывать ребенка Филину? Ладно бы из-за наследства, а так-то зачем? Ведь она-то точно знает, что он никакой не отец! Странно...

Дуся еще некоторое время морщил лоб, но в конце концов решил, что это не что иное, как любовь с первого взгляда, и успокоился.

И напрасно. Уже поздно вечером раздался звонок в двери и в комнату ворвалась Сонечка собственной персоной. Она величаво прошествовала в комнату и брякнулась в кресло.

– Филин! Ты – чудовище! – сообщила она. – Ты чудовище, Филин, но я тебе жутко благодарна! Это как же ты здорово придумал, чтобы не прийти сегодня в кинотеатр!

Дуся уже собирался ко сну, визита не ожидал и стоял теперь в ночной пижаме, неловко переминаясь с ноги на ногу. Рядом бдительным стражем навтыжку стояла Олимпиада Петровна и обмахивалась старой газетой, которой только что гоняла первых комаров. Сонечка же дышала радостью, восторгом, и было совершенно непонятно, чего ради ее принесло в столь поздний час.

– Ну что ты хлопаешь глазами, не понимаю! – начала сердиться поздняя гостья. – Я же тебе говорю – я пригласила тебя в кино, а ты не пришел!

– Правильно, – осторожно подтвердил Дуся. – Потому что был очень занят.

– Ну я и говорю – чудовище! – согласно кивнула Сонечка. – А я стояла там одна, между прочим! Торчала пугалом! Но потом... Тетя Липа, не создавайте лишнюю вентиляцию, лучше кофе принесите! Во рту пересохло!..

Олимпиада Петровна по-мужски крякнула и удалилась в кухню. А девица продолжала верещать, закатывая глаза.

– Так вот потом, нет, почти сразу же, ко мне подошел молодой человек просто отпадный! Бог! Фотомодель! Идеал!

Дуся, у него совсем нет таких килограммов, как у тебя. И прическа у него... Тетя Липа, чего ж вы кипятком брызжете?! Прямо, как нарочно!

Олимпиада Петровна и в самом деле уже принесла кофе и капнула на Сонечку действительно нарочно. А не будет ее Дусика обижать! Но девчонка все лопотала о красе своего нового знакомого, нисколько не печалась о чувствах хозяев.

– Дуся, он такой умный! Вот ты рядом с ним просто недоразвитый какой-то, честное слово. И как я могла тобой увлечься? А он... А какой дивный вечер мы с ним провели! И что ты думаешь?

– Что? Ну говори уже скорее, – торопил Дуся. – Или напиши мне лучше письмо, я его на ночь прочту...

Он устал, у него были свои проблемы, ему хотелось в кровать, и приключения старой знакомой мало его волновали.

– Письмо? Фиг! Дуся! Ты не поверишь! Он предложил мне выйти за него замуж! Нет, ты только вникни – в первый же день человек не удержался! Представь!

Дуся радостно замотал головой, чтобы Сонечка поняла – он представил. Вник. Рад. А теперь гостье пора и восвояси.

– Представил? Ну значит, ты мне просто обязан помочь! – по-детски захлопала в ладошки Сонечка. – Дуся! Дай денег!

– Но у меня...

– Дульсиной! – топнула девушка ножкой так, что подпрыгнула даже Олимпиада Петровна. – Не жмись, а выдели финансы! Это же на свадьбу!

– Но у меня нет денег! Ими распоряжается маманя! – с надрывом выкрикнул Дуся.

И тут заговорила Олимпиада Петровна. Она напыщенно отвесила подбородок, поправила многопудовую грудь и дернула бровями.

– Сонечка, а с чего это, собственно, мой сын должен оплачивать вашу свадьбу? – начала она глубоким контральто. – Он вам что – отец, брат, сестра? Вы нашли себе партию, вот пусть ваш жених и...

– Ах вот как, да? – вскочила Сонечка и заблестела глазами. – Вот так, значит, вы рассуждаете? А я так по-другому думаю! Я сколько убивалась по тебе, Дуся, а? Нет, ты подсчитай! Да я бы за это время могла устроиться на работу и заработать себе на три свадьбы! Три! А я требую только на одну! И то не целиком. Короче, вот я тут написала сумму – будьте добры выложить!

Олимпиада Петровна вытащила из кармана очки и долго пыхла над листком.

– Ну-у-у! Ты уж, голубушка, загнула! Ты бы столько вовек не заработала...

– Маманя! – встал в позу Дуся. – Отдай!

– Ага, разбежалась!

– А я говорю – отдай! – прикрикнул сын. – Я и больше бы отдал, чтобы с ней не встречаться. Ну надоела, честное слово. А у меня, может быть, новая жизнь начинается! Мне хвостов не нужно!

Сонечка подскочила к Дусе и клюнула его в щеку.

– Дуся, и еще, я хотела попросить... А вы, тетя Липа, за деньгами-то сбегайте!.. Дуся, ты не говори моему жениху, ну, что я по тебе там убивалась, то-се, ага? А то я ему сказала, что он у меня первая любовь!

Дуся только покачал головой – неужели парень поверил? Прямо ясли какие-то.

Из комнаты появилась Олимпиада Петровна.

– Соня, ты вот эти два нулика убери, а остальное, бог с тобой, отдадим.

– Ладно, без ноликов давайте, – милостиво позволила Соня.

Девчонка сгребла деньги, на прощание еще раз чмокнула Дусю и унеслась.

Олимпиада Петровна совсем не так ласково была настроена к сыну. Отданные деньги у нее отняли покой как минимум дня на четыре.

– Евдоким! Объясни немедленно мамочке...

Но Евдоким уже ничего не хотел объяснять. Он уже закрылся в своей комнате, уткнулся в подушку, а перед глазами у него запрыгали зайчики, котята, белочки, мячики, то есть всевозможная расцветка детских ползунков и пеленок. Вдруг зайчики и мячики исчезли. Дуся открыл глаза. Черт! Точно сказала Сонечка! Она могла бы устроиться на работу! А ведь Радько тоже где-то работала! И он непременно расспросит у нее, где. А уж там-то подробно расскажут, в какой

семье проживает странная женщина Ирина Радько. Ниточка была найдена, и от этого на душе стало совсем спокойно. Конечно, он непременно узнает, что там у нее такое приключилось, что молодая мамаша готова повесить единственного ребенка на первого встречного санитаря. Он узнает все.

Дуся был спокоен до понедельника. А вот в понедельник, прямо с утра, его охватило непривычное волнение. Он вдруг вспомнил, что именно на пятый день Матвей Макарович неумолимо выпроваживает всех мамочек с детьми на выписку. У Радько будет именно пятый. И куда Ирину выпишут, если она утверждает, что Дуся почти что ее супруг? Понятное дело, ему придется привести женщину с ребенком к себе. А мамочка еще абсолютно не подготовлена! И дочери Дуся еще ничего не успел купить! А в чем забирать? Нет, ну совершенно нет никакого отцовского опыта.

– Маманя! – гаркнул Филин. – Мамочка, поднимайся! У меня к тебе дело!

Мамочка и не думала подниматься. Она сочно храпела в своей спальне, и крошечная терьериха Душенька взлетала на ее животе под потолок.

– Маманя!! Ты должна сегодня проехаться по магазинам! – заявил Дуся спящей матери.

– Ты хочешь, чтобы я обновила гардероб? – немедленно открылись глаза родительницы.

– Мамань... – торжественно начал Евдоким и свекольно зарделся. – Понимаешь... У моего знакомого... жена родила

дочь... а забирать девочку не в чем. Ну и он попросил, чтобы ты, с твоим вкусом, с опытом...

– Давай деньги! – бодро вскочила Олимпиада Петровна. – Я думаю, девочке пойдут такие ярко-синие пеленки с крупными оранжевыми грушами. Ново! Современно! Я давно такие хотела, а то эти светлые маленькие цветочки-цыпочки уже совершенно противомодно.

– Мама, какие на фиг груши?! Что это она в грушах будет? Дуся поморщился. Нет, никак не хотел он, чтобы его дочь выписывалась в овощах! Или груши это ягоды? И все равно. Лучше в белочках, таких нежно-розовеньких, по белому полю. И чтобы кружавчики! А еще... а еще обязательно атласные ленточки, он однажды видел, как ребенка в такие заворачивали. Очень нарядно получится. А то груши!

– Я говорю – деньги не забудь оставить, – крикнула Олимпиада Петровна.

– Мам, и еще... эта его жена, ну моего знакомого, она пока у нас поживет, – быстренько затараторил Дуся. – У них там ремонт, ей никак нельзя, понимаешь... А потом она съедет!

– Просто ужас какой-то! Рожать детей, когда еще не закончен ремонт! – возмутилась мать. – Ничего, не тревожься, а то на работу опоздаешь. А жену твоего друга... Ну конечно, мы не оставим ее на улице... А куда это ты так вырядился? Зачем костюм достал?! Немедленно переодевайся! Надень вон свитерок!

Костюм был древний, брюки уже и вовсе продрались, но

вот в пиджак Дуся еще умещался, хоть тот и жал немислимо. И все же Евдоким казался себе в нем стройным и высоким.

– Сними наряд! – не успокаивалась мать.

– Мама! Я его с седьмого класса ношу!

– Но ведь не сносил еще! И не перечь мамочке, а то у меня начинается мигрень! Ах, у меня уже закололо под коленкой! – мать закатила глаза и стала медленно рушиться обратно в подушки.

Дуся, чертыхнувшись, побрел переодеваться, чтобы не волновать бережливую маму, однако пиджак тоже прихватил и комом затолкал в пакет. Выскакивая за двери, он умышленно не вспомнил про деньги, их попросту не было.

Роддом сегодня выглядел растревоженым ульем. Медсестры носились злыми пчелами, им так и мечталось кого-то укусить.

– Слушайте! Где вы шляетесь?! Мы вам все утро звонили!! – натолкнулась на Филина гневная сестричка с первого этажа.

– Что значит «где»?! Дома я шлялся. А телефон маменька всегда на ночь отключает, чтобы сон не спугнуть, – обиделся Дуся.

Он еще в гардеробе успел облачиться в помятый пиджак и чувствовал себя возвышенно, и такое панибратство какой-то медсестры сразу перечеркнуло весь имидж.

– А чего это вы, собственно, разнервничались? – догадал-

ся обидеться он. – Между прочим, у меня сегодня...

– Нет, он еще стоит! Немедленно бегите к главному! Он все утро вас разыскивает! – прервала девчонка и спешно унеслась по своим делам.

Дуся поправил галстук (хи-хи, маменька еще не видела, что он и галстук прихватил!) и деловито поднялся к Матвею Макаровичу.

«Если опять про носилки запоет, скажу, пусть лучше ребенок на мою фамилию записывает», – злорадно подумал санитар и распахнул двери.

Однако главный повел себя как-то странно. Он прятал глаза, дрожал руками и виновато чесал реденькие кудряшки.

– Дуся! Тьфу ты, Евдоким Петрович! – засуетился главный. – Дуся... Сядь, прими валерьяночки.

– С утра не пью, – завалился Филин в кресло. – Вы сами, если угодно, пригубите. У меня к вам, Матвей Макарыч, просьба – вы ребеночка моего с мамашей ошалелой сегодня не выписывайте, а? Можно я ее завтра заберу? Сами понимаете, я еще и с пеленками не управился, не купил, а вы лишний денек за младенцем пронаблюдаете.

– Видишь ли, Евдоким... – заелозил в кресле главный. – С твоей дочкой и мамашей ее какая-то заковыристая история приключилась...

– Не понял... – насторожился Дуся.

– Ну чего непонятного? Чего непонятного?! Нет здесь ни мамы, ни дочки! – не выдержал Матвей Макарович.

Дуся так и знал! Так и знал! Выписали! Вышвырнули прямо на улицу, а он еще и пеленки не купил с белочками!

– Как это нет? Вы их прямо с утра, что ль, выписали? А меня дожидаться уже нельзя было, да? Вытолкали на улицу, да? – вскочил Дуся.

– Чего ты подпрыгнул? Никто их не выписывал на улицу! Тут вообще... Нет, подожди, я себе коньячка налью и тебе тоже выпить не мешает...

Главный подскочил к шкафчику, плеснул из пузатенькой бутылочки себе коньяка, а Филину щедро пододвинул пузырек с валерьянкой.

– Получилось так: вчера, часов в десять вечера, Радько вдруг показалось, будто кто-то лезет в палату через окно. Неизвестно, чего уж она там перепугалась, но подняла на ноги весь роддом. Принеслась медсестра, врач дежурный тут же примчался, он рядом, в ординаторской спал... еле добились гада. Как ты понимаешь, переполошились все.

– Ага! Переполошились! Знаю я, как у нас врачи спят и медсестры полошатаются! – обиженно засопел Дуся.

– Ну и ладно! А чего в самом деле орать-то? Ну приперся какой-то пьяный муженек на дитёнка поглядеть, да палатой ошибся! Мало у нас таких случаев? А твоя прям ни с того ни с сего в истерику!

– Чего это ни с сего? Может, и правда кто-то лез?

– Да мы же соседку по палате спрашивали! А она ничего не видела! А твоя в истерику!

– Ну и ладно, пусть в истерику! Может, у нее постродовой синдром? – чуть не плакал Дуся.

Главный опрокинул в себя рюмочку и заметно успокоился.

– Ну, правильно, синдром. И медсестры так подумали. Вкололи ей успокоительного и пошли нести вахту дальше. А утром, перед самым кормлением, пришла сестра в палату градусники ставить. А Радько нет!

– Сбежала? – не поверил Дуся.

– Нет! Соседка сказала, что поздно ночью к Ирине Алексеевне Радько пришла медсестра, измерила пульс, покачала головой и сообщила, что дела у женщины плохи. Затем тут же позвала двух санитаров...

– Это кого же? Пашку с Олегом, что ли?

– Слушай же! Позвала санитаров, и те утащили Радько на носилках в реанимацию.

Дуся снова подскочил:

– Что с ней случилось-то?! Уморили вы ее, что ли?! Она хоть жива?

– А кто знает? – закручинился Матвей Макарович. – Ни в какую реанимацию Радько не поступала, я проверял. И вчера санитары – Олег и Павел – ночью вообще не работали! С двенадцати ночи один отпросился, а другой проспал у Кати – медсестры. Да и не они это были. Я же говорю – с носилками! Те санитары с носилками были, а у нас единственные носилки ты угробил! Кстати, когда купишь?

– Никогда! Вы бы так о моей жене пеклись! А то утащили женщину, а он со своими носилками привязался! – разошелся Дуся. – Ну и как мне теперь дитё воспитывать?

Главный опечалился еще пуще. Он снова пододвинул к себе бутылочку с коньяком и выпил две рюмки подряд. Немного почесал затылок и только потом заговорил:

– Да, понимаешь... Дуся! Сынок! С дитём тоже проблемы... Наши медсестры обнаружили вместо твоей девочки... куклу!

– Как это? – распахнул рот Дуся.

У главного весь запас энергии иссяк, он рухнул в свое кресло и устало принялся жаловаться:

– Зарплату не выдают, работают как придется... Чего объяснять – проснулась наша медсестра перед утренним кормлением, видать, инстинкт сработал, стала детей готовить, а вместо твоей, прости господи, кукла лежит. Да большая такая, с настоящего ребенка. Настя не сразу и сообразила, что это не ребенок.

Дуся гневно сощурился – упустить единственную дочь!

– Так, значит, в отделении новорожденных Настя дежурила? Правильно! Была б Валентина Петровна – у нее б не уперли! А эта все время спит! Прямо медведь какой-то! Нет, ну как можно было перепутать?! А вы-то! Я еще не успел ребенка родить, а вы его уже где-то потеряли! Почему сразу в милицию не сообщили?

– Так надо ж было с тобой переговорить! Вдруг это все ты

умудрил! – возмутился главный.

– Я что, совсем идиот, по-вашему, да?!

– По-моему, да! – сознался главный. – А как тебя еще понимать-то?! То это не твой ребенок и девица к тебе просто так прицепилась! То теперь подавайте мать с дитём! Вон как разошелся, что мы ребенка потеряли!.. А сам! Носилки теряешь чуть не каждый день, я же молчу! Не санитар, а сто двадцать килограммов проблем! Хоть бы похудел, что ли!

– Попрошу фигуры моей не касаться! Лучше в милицию звоните! – гаркнул Дуся. – Номер знаете? Я помню – ноль-два.

Главный нехотя потянулся к телефону.

– Алло, это милиция? Я говорю, это милиция?

– Матвей Макарович, а ту соседку еще не выписали? – нахмурился Дусик.

– Какую соседку?.. А это я не вам! Это говорит главврач...

– Ну ничего не понимает! Главврач он еще, видите ли!! – кипятился Филин. – Из палаты Радько соседку выписали?!

Матвей Макарович обиделся за главврача.

– Ты на меня чего рычишь-то?! Уволю ко всем чертям!.. А это я, простите, снова не вам... Да-да, я вас слушаю... Конечно, какой-то debil издевается... Простите, debil это кто?

– У нее палата сто седьмая, так кажется? – уточнил Дуся.

– Я не издеваюсь! Это надо мной тут один... издевается! Я – главврач! – кому-то в трубку доказывал Матвей Мака-

рович.

Дуся не стал контролировать его переговоры с милицией, а направился в палату Радько.

Теперь здесь была одна только Милочка. Она накручивала на голове немислимый тюрбан из косынки. Косынка была маловата, и тюрбан не получался роскошным, торчал хилым кукишем, и Милочка злилась.

– Мила? – вошел в палату Дуся. – Оставьте голову в покое, вам еще нужно мне на вопросы ответить.

– А чо это? Опять вопросы какие-то! Снова, что ли, про Ирку? – набычилась та. – Я буду разговаривать только с адвокатом, понятно?

– Господи! Ну о чем вам с ним разговаривать? – поморщился Дуся. – Ну да ладно, адвокат будет. Но позже. А сейчас я за него.

Молодая женщина сдернула косынку и вымученно закатила глаза к потолку.

– Нет, куда я попала! Здесь даже адвокатов санитары замещают! Я же сказала – ничего говорить не стану!

– Ну и не говорите! – обозлился Дуся. – Тогда вас еще неделю не выпишут! У нас тут не шарашкина контора! Только намекну, что вы персонал обижаете, у вас сразу какое-нибудь нездоровье отыщут! Крутите фиги на голове, вам еще долго здесь придется врачей охмурять!

– Постойте, зачем же фиги? – испугалась Милочка. – Я могу и поговорить. Сами ничего не спрашиваете, а я, значит,

тут на вечное поселение? Немедленно спрашивайте!

Дуся расположился на кровати Радько и тоном сыщика-акушера начал:

– Сейчас вы все мне расскажете про вашу соседку, только давайте сначала успокоимся, а то у вас молоко пропадет...

– Не пропадет, я его в холодильник поставила. А про соседку... – Милочка ненадолго задумалась и принялась активно докладывать: – Вас же вечер интересует? Ну так вот... Ира вчера вообще какая-то странная была после обеда. Все оглядывалась, прислушивалась ко всему. Я уж думала, может, у нее с животом что – предложила ей таблетку у медсестры попросить, а она так на меня посмотрела... Ну а потом уже стемнело и... и ей показалось, что к нам в окно кто-то лезет, правда, смешно, да? Хи-хи... – Милочка как-то скривилась и забегала глазами.

Дуся уже раскрыл одно серьезное преступление. Правда, это было несколько месяцев назад, но собачьего нюха он еще не утратил. Поэтому некоторую фальшь в поведении собеседницы учуял сразу.

– Ого! – испуганно вздрогнул он. – У вас на лице уже следы перитонита обнаружили!

– Пери... А что это такое? – схватилась за щеки Милочка.

– Я и сам толком не знаю. Но наверняка страшная заразная болезнь! С ней вас никогда из роддома не выпишут, можете не сомневаться.

– Это не болезнь, – капризно топнула ножкой Мила. – Это

я с утра маску на лицо накладывала! Из вашей пшенной каши! И, наверное, плохо отмыла. Вы шутите про болезнь, да?

– Да. Пока шучу. А зачем вы врете? Кто к вам в окно лез? Вы сами придумали? Немедленно отвечайте! А то врет и врет! Еще мамаша, называется!

Милочка раздосадованно перекосила рот.

– Да нет, я не вру. Правда, лезли. Только ничего особенного и не было! Это мой Владик был, муж мой. Он на ужин прилезал. Ну а чего тут страшного-то? Он почти каждый вечер прилезает! Я так сразу Ирке и сказала! А она вся побелела, испугалась, видишь ли! Я, между прочим, когда ее в таком состоянии увидела, еще сильнее, может быть, напугалась! А она сразу в истерику!

– Подождите, подождите... Что-то никак не пойму... К вам в окно лез ваш муж?

– Ой, ну конечно! – всплеснула руками Милочка. – Ну вы сами подумайте – жену забрали в роддом, а мужей ведь не берут! А ему же тоже кушать хочется! А варить дома некому! Вот он и приходит сюда после работы поужинать. У нас ведь ужин можно и в палату брать. Я уже раза два так делала, и ничего особенного!

– А что, раньше Радько вашего мужа не видела, что ли?

– Ну... в первый раз он рано прилез – она еще в столовой была, во второй раз, это в субботу, к ней кто-то приходил, и она вообще только ко сну явилась – все на улице с кем-то сидела. В субботу, вы же помните, еще такая жара стояла...

– А муженек ваш, стало быть, здесь столовался? Понятно... А кто к Радько приходил?

– Ой, ну откуда я знаю?! Вы, кажется, ей не чужой, вам лучше знать! Между прочим, к ней каждый день кто-то приходил. А-а-а! Я поняла! Это вы так ревнуете, да? Ужасно романтично! – восторженно захлопала в ладошки Милочка и радостно сообщила: – Кстати, хочу вам доложить – похоже, Ирочка вам наставляет рога!

Дуся устроился поудобнее – разговор предстоял долгий.

– Не отвлекайтесь. Значит, кто к ней приходил, вам неизвестно. А в последний день, ну когда она истерику закатила, к ней приходили?

– А в тот день... Н-не помню. Кажется, утром приходили, но потом она нормальная была, а затем... затем куда-то сходила и стала трястись... – ответственно припоминала Милочка. – Слушайте, а может, она кому-нибудь позвонила? Она же все время с сотовым телефоном таскалась.

– Номера ее сотового вы тоже, конечно же, не знаете? – ехидно поддел Дуся.

– А вы? Не знать номер жены, это уже хамство! Так наплевать на супругу! Правильно она делала, что вам изменяла!

– Да с чего вы взяли-то, что изменяла? – обиделся за «супружескую верность» Дуся.

– А с того! Я однажды слышала, как она лопотала в трубку: «Антоша, котик! Люблю, целую!» А вы же не котик?

Дуся поразмышлял. На котика он не тянул, во всяком слу-

чае, Радько его так не называла.

– Не-а, не он...

– Сразу говорю: мне больше ничего про котика не известно! Я и так вам все рассказала!

– Да ничего вы не рассказали. Значит, к вам приполз в окно муж на кормежку. Радько его увидела и ударилась в истерику, а дальше?

– Она не просто ударилась! Она тут всех на ноги подняла. Прямо надо же, цаца какая! А я ей говорила – чего, мол, орешь? Это мой лягушонок из коробчонка лезет! Так нет ведь – переполошила весь муравейник. Ну и что? Медики все осмотрели, ей успокоительное вкололи, а моего Владика все равно не нашли. Потому что он бегать быстро умеет, вот!

Молодая мамаша опрокинулась в подушки, намекая, что беседа ее истощила и вообще – мужчине пора покинуть палату. Дусик на такие уловки никогда не попадался.

– Дальше что? Уснула Радько и что? – потерябил он Милочку за рукав.

– Ну а чего еще дальше-то? Уснула ваша Ирина! Она нормально так спала, а потом пришла сестричка какая-то... кстати, у нее такой халат немодный, просто ужас! Вот здесь так, а тут без выточек совсем...

– И что?! – терял терпение Дуся.

– И ничего! – надулась Милочка. – Она взяла Ирку за руку и как давай охать: «Ах! Мы ее теряем! У нее совсем низкое давление! Немедленно в реанимацию! Боюсь, не донесем!»

И тут же вошли два санитары. Ирку на носилки перекинули, будто матрас, и потащили. Кстати, вы Ирке потом скажите: она так некрасиво смотрелась – нога куда-то свалилась, руки во все стороны растопырены! И волосы не уложены! Нет, я бы с нее не стала картину писать, определенно. А утром к нам медсестра пришла и зарычала, чтобы мы к кормлению готовились. А кому готовиться, если Ирку еще обратно не притащили! Я так и спросила – мне, мол, самой сходить в реанимацию Ирку разбудить или сестра сходит? Та глаза выпучила: «Что ваша Ирка делает в нашей реанимации?» Прямо как будто она для себя реанимацию забронировала! Ну и понеслось... Давай ко мне прибегать все кому не лень и спрашивать одно и то же. Вот и вас принесло.

– Опишите, какая медсестра приходила с носилками?

– С носилками были санитары, ну неужели не ясно?! А медсестра была обыкновенная! Страшная, с кривыми ногами! Слушайте, кто у вас кадрами занимается? – Милочка окинула Дусю презрительным взглядом. – Набирать такой уродливый персонал, когда здесь полным-полно будущих мужчин! А девочки? Чему они тут научатся?!

– Вы лучше про санитаров расскажите. Они как выглядели?

Милочка устало вздохнула:

– Вы себя в зеркало видели? Ну вот и они такие же уроды. Я же вам говорю: у вас все как нарочно подобраны, чтобы второй раз сюда и захотел, да испугался!

– Ла-а-адно, на себя бы посмотрела. Что на голове, то и в черепной коробке – сплошные кукиши! – подарил ответную любезность Дуся и поднялся.

Похоже, Милочка больше ничего ценного сообщить не могла.

– Хорошо, вы поправляйтесь, а я пойду выясню – кто же в самом деле у нас занимается кадрами... – задумчиво проговорил Дуся.

Милочка только пожала плечами.

Теперь Дуся прямым ходом направился на второй этаж. До приезда милиции надо было успеть переговорить с Настей – медсестрой из отделения новорожденных. Кто знает, может, ее сразу посадят в тюрьму, как потом ее допрашивать?

Однако к Насте прорваться не удалось – по коридору, прямо на Дусю, надвигалась мощная, как утес, родная матушка.

– Дуся! Крошка моя! А я тебя уже обыскалась, – запричитала она, размахивая пакетами. – Ты же забыл оставить деньги на пеленки!

Мимо пробегающая медсестричка с ужасом шарахнулась было от габаритной женщины, но, услышав парочку фраз, звонко фыркнула в ладошку.

– Мамадя, – зашипел санитар. – Мамадя, ну кто тебя пустил? Здесь же нельзя...

– А кто меня не пустит, интересно знать?! – зычно поинтересовалась Олимпиада Петровна. – Я иду к родному сыну

в роддом! И, между прочим, несую ему пеленки!

– Ну... скажем, пеленки не совсем мне... – пытался уговорить маму Дусик. – Мама, давай в сторонку отойдем, а то на нас уже оглядываются...

– Пусть смотрят, мне нечего скрывать! А кому пеленки?! – не желала молчать мамаша. – Только не нужно мне лгать, что ребенок родился у твоего друга, не унижай себя врагнем! Не успела я сюда заявиться, как меня уже поздравили с внучкой! Некрасиво, конечно, что ты не посоветовался с мамой...

Дуся закрутился возле матери выюном. Маменькин голос гремел по всем этажам, а Дусе совсем не хотелось, чтобы тонкости его семейного положения обсуждались в каждой палате. Он даже попытался прикрыть маменьке рот ладошкой, но та отшвырнула длань сына и продолжала еще громче:

– ...но теперь придется пеленки твоего друга преподнести моей внучке! Кстати, не забудь, я потратила на них половину твоего состояния!

– Мама!

– Ну иди же, нетерпеливый! Примерь обнове нашей девочке! – расплылась в сладкой улыбке довольная «бабушка».

– Евдоким Петрович! – вдруг подлетела к ним взволнованная медсестра Танечка, которая одной из первых узнала о счастливом «пополнении». – Евдоким Петрович, мне надо срочно вам кое-что сказать!

Евдокима Петровича мощной рукой отстранила мамаша.

– Дуся, кто это? – грозно вперилась она взглядом в несчастную медсестру. – Это та вертихвостка, которая отважилась родить тебе дитя?

– Мама, ну нет же! Это совсем другая вертихвостка! Танечка, пойдемте отойдем.

– Дуся! Мама должна знать, чем дышит ее сын. Говорите, барышня! У меня от сына секретов нет!

Танечка испуганно заморгала, потом что-то пролепетала и, спотыкаясь, унеслась вверх по лестнице.

– По-моему, у нее к тебе неразделенная любовь... – с сожалением проговорила Олимпиада Петровна.

– Ты думаешь?

– Поверь мне, я в таких делах, как УЗИ: вижу все внутренности.

Дуся немного задумался – Танечку как девушку своей мечты он еще не рассматривал. А ведь ничего девчонка! Вон какие...

– Евдоким Петрович! Как хорошо, что вы здесь! – выскочил откуда-то главврач Матвей Макарович. – Там к вашей... Там внизу пришли за Радько Ириной Алексеевной. Может, вы найдете, что им сказать.

– А кто пришел? – насторожился Дуся.

– Как кто?! Муж!

– Еще один? – вытаращился Филин.

Дуся откровенно растерялся. Зато маменька отреагирова-

ла мгновенно.

– Пойдите, не так скоро, – ухватила она главного за пуговицу. – Объяснитесь, любезный, отчего это мой Дуся должен говорить с какими-то мужьями? Признайтесь – вы готовите его на свою должность? Кстати, а какую вы должность занимаете?

Матвей Макарович стушевался.

– Я главврач, если позволите...

Должность главврача маменьку устроила, она слащаво улыбнулась и заторопила сына.

– Дуся, мне кажется, тебе не стоит задерживаться. Ступай же, переговори с этими Редькиными... с Радькиными... Как их фамилия, вы сказали?

– Радько! – пытался отцепить крепкие пальцы от своей пуговицы главный. – И чего вы меня спрашиваете? Вашему сыну лучше знать, это же его знакомая.

– Дуся! Что происходит? – возмутилась мамаша. – То один знакомый дочь родил, то еще Редькина эта, то у тебя самого дитя завелось...

– Матвей Макарович! Я оставляю маму на вас, а сам к Радько, – удачно ускользнул Филин и понесся в вестибюль.

Глава 2

Начал дело – допрашивай смело

Внизу, возле чахлой пальмы, которая по совместительству служила урной, нервно топтались два мужчины – молодой человек, худой и длинный, как телевизионная антенна, и толстобрюхий кряжистый мужичок.

Дуся поправил на себе белый халат и утробно пробасил:

– Кто к Радько?

Оба мужчины синхронно дернулись и заторопились к Дусясе.

– Мы! Мы за Ириной! – льстиво улыбался тот, который постарше, приняв санитаря за главного врача. – Нам бы забрать... Ирочка говорила, что сегодня, возможно, выпишут... И ребеночка тоже... Кто там у нас – мальчик, девочка?

Дуся от такой наглости оторопел:

– А вы что, до сих пор не удосужились узнать?

– Удосужились... но не узнали, – глупо улыбался кряжистый.

– Да какая на фиг разница – домой принесем, там рассмотрим, – махнул рукой молодой.

Он, судя по виду, был не в особенном восторге от отцовства. И вообще куда с большим удовольствием сейчас бы

смотрел футбол или во что там еще играют. Однако ж папенька притащил.

– А где Ирка-то? – лениво моргал он.

– Ирка? – запыхтел Дуся. – После того как она родила вам ребенка, она уже Ирина! Ирина Алексеевна! Она мать, я не боюсь этого слова!

– Да-да, действительно! У! Остолоп! – звонко щелкнул детину по затылку кряжистый мужичок. – Вы его простите, сам дурак, не понимает своего счастья. А где Иринушка?

– Хотел бы узнать, с кем имею честь? – важно раздувался Дуся.

– Николай Кириллович Сивцов, да, вот такая наша фамилия... А это сынишка мой – Антошка. Вот он, собственно, и сделался папой, так сказать... – залез безил старший. – А вы, простите, кто по должности? Главврач, а может, главный акушер? Или какой лечащий доктор?

Медсестричка за дежурным столиком взглянула на Дусю и прыснула в ладошку. Подслушивает, ушастая!

– Не надо регалий, зовите просто – Евдоким Петрович, – благостно позволил Дуся. – А мне с вами надо побеседовать. Пройдемте в кабинет. Только халатики накиньте. Девочки! Кто-нибудь там! Выдайте им халаты!

Шустрая медсестра, которая всегда краем уха контролировала – не пора ли принимать дары от счастливых родственников? – быстро поднесла спецодежду.

– Ну а теперь пройдемте по лестнице.

Дуся их вел в кабинет главврача, а сам лихорадочно выстраивал ряд вопросов.

– Проходите, – гостеприимно распахнул он двери.

Сидящий за столом Матвей Макарович уже успел удачно сплавить грозную мамашу подчиненного на медсестер и теперь решил поработать. Гостей не ждал, а потому засуетился, попытался было улизнуть, однако решил выхлебать горькую чашу до дна.

– Присаживайтесь, – всюю распоряжался санитар. – Я попрошу ответить мне на некоторые вопросы.

– А... а где Ирочка? – снова заблеял кряжистый мужичок.

– Евдоким Петрович, я вас, пожалуй, оставлю одних, – не выдержал накала главный и позорно бежал. – Не стану вам мешать.

Дусику даже удобнее было без Беликова. К тому же Сивцовы приняли его за главврача и разубеждать их не хотелось. Филин удобно расположился в кресле, зачем-то ближе подвинул телефон и крикнул вдогонку начальнику:

– Ступайте, Матвей Макарович! Да велите девочкам кофе подать!.. Так вот, господа, в этом кабинете вопросы задаю я. И мне любопытно, отчего вы решили, что этот ребенок ваш?

– Наш? – растерялся папаша. Потом лихо съездил по макушке сыночка и торопливо зашептал: – Быстро отвечай, кусок идиота, отчего ты решил, что этот мальчик наш?! А тем более девочка... или кто там?

Длинный молодой Сивцов от оплеухи сторбился и теперь

трусливо поглядывал на отца из-под бровей.

– Так Ирка сама сказала! – обиженно протянул он. – Сразу же и сказала. А чего теперь – не наш, оказывается, да?

– Да тут образовалось некоторое недоразумение... – пыжился Дуся.

– Ну вот! Я так и знал! А все ты, папочка! – всерьез расстроился парень. – Теперь и с ребенком облом! И чего теперь – в армию?!

– Подожди, армия никуда не убежит! – рявкнул отец и снова расплылся в медовой улыбке к Дусе. – А почему, собственно, такое недоверие? Можно Ирочку позвать, пусть сама и скажет.

– Ирина Алексеевна себя почувствовала дурно. У нее поднялось давление, и она некоторое время никого не сможет принять, – печально вздохнул Дуся. – Вот я и пытаюсь выяснить, кто же был причиной такого нездоровья.

– Не, мы как раз здоровья...

– Постойте-ка, а что вы там про армию говорили? – напомнил Филин.

– Ну так это... – активно заговорил Антон. – Мы с Ирккой давно это... дружили. А потом когда с ней эта байда приключилась...

Молодой человек почувствовал себя увереннее, вспоминать былые подвиги было приятно, и слова из него посыпались горохом. Правда, теперь Дуся не все понимал.

– Что с ней приключилось?

– Какая байда, недоумок? Беременность, что ли? – зашипел папа. – Так и говори – «понесла»! Ой, ну совсем по-русски говорить не могут, вы уж его простите, видно, от нерусей каких народился...

– Продолжайте. Ирина Алексеевна сообщила вам, что ждет ребенка, и что?

– Ха! «Что»! Да я чуть с ума не сошел! В кармане – голый Вася... ну в смысле, денег нет, жить негде, не с ботами же! В смысле, не с родаками же! А без них жрать нечего, а тут – на тебе, подарочек!

– Не жрать, а кушать, – снова поправил отец. – Ну что дальше было, рассказывай.

– А то ты не знаешь! – возмутился парень. – Я же к тебе пошел, а ты что сказал?!

– Что я сказал?

– Ты сказал, что самим жрать нечего, куда нам еще!..

– Не жрать, а кушать!

– Нет, папочка, ты именно «жрать» сказал!

– Так, понятно, – прервал перебранку Дуся. – А когда вы решили, что вам необходимо в отцы податься?

Парень совсем обнаглел – он вытащил из пачки главврача тонкую сигарету, которые Беликов держал исключительно для проверяющих, глубоко затянулся и пустил дым в нос Филину.

– А чего там решать? Потом пришла мама. Ну и батя стал матери жаловаться...

– Не жаловаться, а, так сказать, радостью делиться, – снова встрял толстобрюхий папаша.

– Ага. Значит, радовался он часа три так, что соседский попугай теперь только матом говорит. Ну а маменька сказала, что батя тупорылый баран! Пап, вот только не надо поправлять! Мама не говорила, что ты – курносая овечка, а именно тупорылый баран!

– И что еще сказала мама? – снова спросил Дуся.

– А то! Мама сказала: «Это очень нам на руку. Антоша как раз закончил институт, и ему грозит повестка в армию, вон соседского Ваньку тоже после вуза загребли. А Юрку оставили! Потому что у него сын только что родился! И лишь наш тупорылый баран не понимает, как это ко времени – рождение внука».

– Ага! А я, между прочим, сказал... – вспомнил Сивцов-старший.

Теперь папенька с сыном всюю орали друг на друга, нимало не смущаясь присутствием главврача.

– А я сказал... – брызгал слюной почтенный отец. – А я сказал, что через три года тебя, кусок идиота, и так никто в армию не возьмет – срок выйдет! А вот ребенка потом никуда не денешь! Это что же – всю жизнь потом на него горбатиться?

– А мама сказала, что мне все равно на кого-то придется горбатиться. Так какая разница на кого! И потом, с ней всегда развестись можно, с Иркой. Правда, придется алименты

платить. Но я все равно много не заработаю. Ну и велела мне за Ирккой ухлесты... ухаживать изо всех сил. Я и ухаживал. А недели две назад мы с ней разос...

– Разругались!

– Ну да. Разругались в пух и прах, – спохватился сын, сбавил тон и скромно принялся ковырять ногти. – Она меня застучала с... ну там с еще одной... с Ленкой. Ну она стала говорить, что я – проститу...

– Скажи – ветреник, – быстро поправил папаша. – Она сказала, что ты любимец женщин, да?

– Ага, а еще бабник и проститут. И вообще пусть я не думаю, что она переживать из-за такого гов...

– Навоза! Да что ж такое-то!! – замучился поправлять сына благовоспитанный отец. – Навоза! Ну следи же за словами-то, кусок идиота!!

– Ага, – поник парень. – Ну в общем, что она из-за меня переживать не собирается. И что она мне еще раньше рога наставляла. И ребенок не мой. Ну я обиделся и ушел.

Папашу подбросило.

– Ага! Он ушел, кусок идиота! Мы, главное, эту Ирку прикармливали полгода, а он «ушел»! Ходок, мать его! А она взяла и родила! – бегал по кабинету отец.

– Не, ну потом-то я ей на сотовый звякнул, мама научила, что говорить надо...

– «Мама», «мама»! А что сам-то – не мужик?! – педагогически заметил Дуся. – Надо было давно плюнуть на все и

решать – нужна тебе Ирина с ребенком или нет!

– Так мы же семьей и решили – нужна! Мы ж не отказываемся, – снова встрял папаша.

Дусе все труднее стало улавливать мысль, он даже стал что-то записывать.

– И что вам сказала Ирина, когда ты позвонил?

– Да что она скажет... Сначала обижалась, говорила, что если ребенок и не мой совсем, то и нечего звонить. А потом говорит: «Если любишь, возьмешь и с чужим!»

– Ну а нам большой-то разницы нет, вот мы и прибыли, забирать, так сказать... Так когда нам прийти-то?

– Странно, и как это вы с такими задатками еще в институт поступили... – ушел от ответа Дуся.

– Какие там задатки?! – возмутился отец. – Разве б он поступил? Студент недоразвитый! Затолкали! Прямо-таки каждый семестр самолично деньги носил! Только чтоб от армии откупить! А его все равно берут! Ну так как с Ириной-то?

Дуся важно поскреб затылок.

– Ирина сейчас в тяжелом состоянии находится. Вы мне оставьте ваш номер телефона, я позвоню, когда вам подъехать.

– Вот спасибо-то! – вскочил Сивцов-старший. – Благодарю дяденьку, кусок идиота!

– Спасибо. Только вы позвоните, а то вдруг по повестке...

– Позвоню, – пообещал Дуся и поднялся проводить го-

стей.

С большим желанием он бы проводил обоих пинком, но... боялся, что кто-то встречный может разболтать Сивцовым, что их «отсрочку» похитили сегодня утром.

Прямо у дверей их делегация натолкнулась на несчастного главврача, которого нежно трепала за пуговицу Олимпиада Петровна. Она все же нашла Матвея Макаровича и теперь выясняла его зарплату, время отпуска и прочие льготы должности.

– Дуся! Детка моя! – кинулась заботливая мать к сыну. – Тебе нужно срочно выпить горячего молока! Я уже договорила в пищеблоке, тебе подогреют!

– Маманя! Знаешь, мама, иди-ка ты... проводи товарищей к выходу, – обезвредил Дуся родительницу.

– Та-а-ак! – уперла кулаки в крутые бедра Олимпиада Петровна и принялась искать глазами, кого выставить. – И кому тут на выход? Ну, чего окаменели? Ножками чаще, чаще работаем!

– Это... Евдоким... а не круто ли она с потерпевшими родственниками? – неуверенно спросил главный.

– Не круто! Эти родственники еще не потерпевшие. Им придется терпеть, если сыночка в армию призовут, а Радько со своим ребенком им только для корыстных целей и нужна... Ах черт, и кому понадобилось ее похищать?.. А чего это милиция не едет? – вдруг вспомнил Дуся. – Еще когда вызывали-то!

Матвей Макарович расстроено сморщился.

– Они, наверное, и в самом деле решили, что им дебил какой-то звонит, разыгрывает... А все ты! Прямо в ухо орал мне не поймешь что! А я с серьезными людьми говорил! Пойду еще позвоню, а ты...

– А у меня дела. Вон и маменька уже возвращается.

– Ты, Дуся, сегодня шел бы домой, а? – вдруг заюлил Матвей Макарович. – Ну честно тебе скажу – чего тут толкаться? И потом, знаешь, еще часа два переговоров с Олимпиадой Петровной, и я, боюсь, домой уйду санитаром, что-то она сильно активно тебя на мое кресло продвигает. Ты уж скажи ей – это же просто неприлично!

– Да бросьте, чего неприличного? Пусть продвигает, – отмахнулся Дуся. – Ну, значит, я по делам.

Матвей Макарович быстро исчез в кабинете, и Дуся слышал, как в замке поворачивается ключ. А по коридору уже двигалась маманя. Ей в роддоме с каждой минутой нравилось все больше, и глаза ее горели нерастроченной энергией. Эх! Ей бы на парочку недель на место этого самого Беликова...

– Дуся, я их выставила, – отрапортовала мать. – Какие у нас планы?

– Мам, идем домой. Мне надо серьезно подумать, – солидно морщился Дуся.

– А милиция? Ты не станешь их ждать?

– За... чем? – растерялся Дуся Филин.

Именно от милиции подальше он и хотел утащить маменьку. Олимпиада Петровна только начала вживаться в роль бабушки, нельзя, чтобы ей тут же сообщили, что внучку заменили какой-то куклой!

– Дуся! Я все знаю! Мне рассказали девочки-медсестры, оказывается, твою дочку кто-то позаимствовал! Я уже вы знала все подробности, – гордо расправила плечи мать. – Тебе это дело надо взять в свои руки! Да-да! Это дело чести! Кстати, ты еще не переговорил с той растяпой, которая упустила нашу внучку? Теперь самое время. Наедет милиция, тебе и подойти к ней не дадут. Между прочим, я уже была у нее и взяла подписку о невыезде и невыходе.

– О чем расписку?

– Быстрее надо думать, сынок! Подписку о невыходе из роддома, чтобы не убежала раньше времени, – довольно пояснила мать. – Иди, говори, я тебя подожду в скверике. Сегодня ужасно дивная погода.

И Олимпиада Петровна поплыла к выходу.

Дуся проморгался от удивления и поспешил в отделение новорожденных.

Сначала он хотел разорвать ротозейку Настю морально. Потом собрал все свое благородство, представил, какие муки девчонка испытывает от угрызений совести, от страха, и сжалился. Что ж, он, пожалуй, даже сможет ее утешить – скажет, что ей немного дадут, что выйдет она еще молодой, ну, короче, найдет что наплести, чтобы девчонка не отправилась

в петлю.

В отделении новорожденных дежурила Валентина Петровна. Увидев Дусю, она принялась срочно сморкаться в платок и орошать белоснежный халат стерильными слезами.

– Евдоким Петрович... горе-то какое! Как же так могло случиться? Девочка ведь совсем крошка! Ей же нужен медицинский уход!

– Она что – больная была? – насторожился Дуся. – Зачем ей уход медицинский?

– Ну как же! Нет, вы не подумайте, ребенок абсолютно здоров! Но ведь крошка же! А кто ей будет давать молоко матери? А кто станет пеленать? А купать? Нет, я, наверное, в обморок упаду.

– Не нужно. Некогда нам с вами в обмороках валяться, – строго запретил Дуся. – Нам ребенка искать надо!

– Я готова! Где будем искать? – вытянулась струной ответственная Валентина Петровна.

– Вы будете сидеть здесь, вдруг девочку назад принесут, пол не подойдет или там цвет глаз. Ее принесут, а вы уже наготове! Схватите и уже никому не отдавайте, понятно?

Дуся был строг, голос его звучал твердо и напористо, и медсестра все больше исходила слезами.

– Ну кому ж я отдам?! Можно подумать, у нас каждый день куклами детей подменивают!

– Мне, например, и одного раза за глаза хватит. Кстати, дайте мне ту куколку, где она у вас?

Валентина Петровна полезла куда-то в шкаф и выудила пупса средних размеров.

– Ну и ничего общего с моим ребенком, – перекопился Дуся.

– Нет, ну если запеленать...

– А я говорю – ничего! Я у вас ее забираю.

– На память? – наивно спросила медсестра.

– Как улику! А где у нас Настя? Что-то я ее не вижу. Она что – уже домой унеслась?

– Ну что вы, как можно! – обиделась за коллегу Валентина Петровна. – Девчонка сидит в комнате персонала и, надо думать, собирается наложить на себя руки.

– Так чего ж мы с вами здесь рассуждаем?! Можем же опоздать!

Дуся забрал куклу и решительно направился в комнату персонала.

Настя временно отложила накладывание рук и весело щебетала по служебному телефону.

– Нет-нет, зайка, я сегодня задержусь... Нет, ну понимаешь, у меня тут кое-какие неприятности на работе... Да нет, сушная ерунда – ребенка подменили... Не-а, не на другого, на куклу... На куклу, говорю! Не знаю, вызвали, наверное... Ну, в общем, мне надо еще переждать, пока эта канитель не уляжется. А вы во сколько собираетесь? А Дашка точно придет с новым кавалером, а то станет опять...

– Анастасия! – захлебнулся Евдоким.

В голове крутились слова утешения, но девица и сама успешно утешилась, а другие слова куда-то улетучились, и Дуся негодовал.

– Анастасия! Немедленно бросьте трубку и отвечайте на вопросы!

– Ой, Евдоким Петрович! – взмахнула ресницами Настя. – Зайка, я тебе потом перезвоню, тут со мной хотят пообщаться... Евдоким Петрович! Между прочим, надо стучаться, когда входите. Еще неизвестно, чем я могла здесь заниматься.

– Оч-чень бы хотелось знать, чем вы вообще занимаетесь на своем рабочем месте?! – взревел Филин.

Эта девушка его просто выводила из себя. Он бы простил ей пропажу дочери, если бы она попалась ему с колбочкой яда в руках, но теперь!.. Однако девчонка ничуть не испугалась разъяренного сотрудника, а, напротив, даже была вроде как недовольна.

– Ой, ну что ж вы так орете? Прямо оглушили всю. Я не поняла – вы уже задаете свои вопросы? Мне отвечать?

– Да уш-ш-ш! Будьте любезны, ответьте – чем вы занимались, когда у вас мою дочь уперли?!

– Ее не уперли! А поменяли! – вытаращилась Настя. – Ну вы же сами эту куклу в руках держите! И потом, чего вы злитесь? Я в этом процессе вовсе не виновата!

– А кто?! Кто виноват? В этом процессе!

– Знаете что! Если вы будете на меня в таком тоне кричать, я и вовсе не стану ничего говорить! Ля-ля-ля-я-я...

Девчонка отвернулась к окну, закинула ногу на ногу и зафальшивила какую-то избитую песенку.

– Нет! Вы на нее посмотрите! – шлепнул себя по карманам Дуся. – Ей светит срок, а она себе дискотеку устраивает!

– И ничего мне не светит! И не пугайте меня, а то я главному скажу! – резко обернулась девчонка. – И вообще! Хватит уже меня допросами мучить! Я и так должна домой идти!

Девчонка демонстративно поднялась, взяла сумочку и направилась к двери.

– Что делается, мамочка моя!

– Вот только мамочку вашу не надо... – вдруг струсила наглая особа.

– Это чем же вам моя маманя не угодила? Почему это не на-а-адо? – закривлялся обезьяной Дуся.

– Не надо, я лучше так вам все расскажу. Только вы не орите. И рожи не корчите. Сядьте вон на стульчик и молчите, а то я волнуюсь.

Девчонка вовсе не волновалась. Она удобно расположилась в кресле, вынула из халатика пачку сигарет и затянулась.

– Ну... – пх, – в общем, в краже вашей девчонки я не виновата, – смолила она, как заправский матрос. – Я, как и положено, несла свою вахту по всем предписаниям. Всю ночь, с девяти вечера до одиннадцати ночи, я не сомкнула глаз, а к двенадцати мой молодой растущий организм стал настоятельно требовать отдыха. Вы же понимаете, чем грозит молодой девушке недосыпание – темные там всякие круги под

глазами, тусклые волосы, кариес, гастрит и даже ногти ломаются! Ну я крепилась, крепилась, а он все требует и требует!

– Кто он-то?

– Организм же! Чем слушаете? Короче, хочет он спать и все тут! Я-то сама к работе тянусь, понимаю, что дежурство и все такое, а нутро протестует. Вижу, с нутром не справляюсь, уже и носом по столу рисую, и руки куда-то отваливаются, думаю – умереть можно, но пост нельзя бросать!

– Правильно думаешь!

– Ага, правильно! А организм как услышал про «умереть», сразу весь отключился! Просто в один миг! Я еще успела подумать – усну и точно кто-нибудь вашу девчонку на куклу обменяет! И потрудилась вскочить.

– Подожди, а откуда ты знала, что ее подменят? – насто-рожился Дуся.

– Да ничего такого я не знала, просто предположила, что стоит мне глаза сомкнуть, как обязательно что-то случится. Ну я же просила не перебивать!

– Все, молчу. Значит, ты вскочила, а потом что? Давай дальше рассказывай.

– Вскочила и понеслась к охраннику нашему – дяде Юре. Говорю ему: «Дядя Юра, выручай! Ты все равно всю ночь не спишь, пиво глушишь, а мне спать требуется. И если ты по должности охранник, значит, сиди и охраняй хорошенько – чтобы ни одна живая душа к нам на этаж не прокралась. Да еще, говорю, каждый час ко мне в отделение заглядывай –

все ли там в порядке, а уж я тебе двухлитровую бутылку пива с утра притащу». Ну он и согласился. И все. Я спокойно уснула, а когда будильник прозвенел, пошла детей готовить, вот тут и оказалось, что вашей дочери нет. Но, опять же, имеется кукла вместо нее! Вот и выходит – я не виновата получаюсь.

Дуся снова заволновался. На всякий случай он уселся возле двери, чтобы Настя не вздумала улетучиться.

– Как же не виновата? На охранника детей бросила! Где же ему за всеми этажами уследить, да еще и за целым отделением?!

– Ага! А если бы я не позвала дядю Юру? Тогда бы и вовсе всех детей переменяли! Я же тогда, как пить дать, все равно бы уснула! И без всякой страховки! И вообще! Что у нас за люди? Чем серьезнее к своему делу относишься, тем на тебе больше возят! Вот идите и спрашивайте с дяди Юры! И нечего эту куклу мне под нос пихать!

– Ах да, кукла же...

Дуся устался на пупса. Обыкновенная кукла, можно было и попримитивнее отыскать. Теперь всяких, каких угодно отыскать можно. Можно было такую достать, что ее бы даже мамаша от ребенка не отличила. А эта...

– Евдоким Петрович! Вот вы где! – ворвался в комнату Матвей Макарович с каким-то посторонним человеком.

Человек был обряжен в маленький женский халатик и выглядел несерьезно. Халатик щерился на пузе складками, рукава задирались до локтя, а кокетливые вытачки и вовсе бы-

ли не к месту.

– Вот, Евдоким Петрович, это к нам из следственного отдела гражданин... господин... товарищ... – запутался главврач.

– Я – Роман Анатольевич. Очень кстати, что вы здесь вместе, – строго окинул он Дусю и Настю подозрительным взглядом. – Мечтаю с вами побеседовать. Вот сначала с вами, девушка. Мужчина, а вы пока выйдите... Пойдите, а чего это вы в куклу вцепились?

– Так это ж та самая кукла и есть – ну на которую ребенка поменяли! – радостно пояснил главный.

– Понятно. Непонятно только, чего вы с ней таскаетесь? Всю залапали, захватили... Специально, что ли, отпечатки смазывали? – сердито нахмурился Роман Анатольевич.

– Так это ж он... Не в себе он, – кинулся защищать Дусю главный. – Это ж он от горя. Вроде как и не понимает, что это не дочь! Вот и нянчит, кормить собирается... Дусю, горе мое, отдайте куколку, ну? Главное, еще за голову ее держит! Не позорьте роддом!

Евдоким пожал плечами, сунул пупса главврачу и вышел. До самого вечера Роман Анатольевич терзал сотрудников. Несколько раз выпрашивал одно и то же, старательно списывал огромные желтые листы, а потом начиналось все заново. Неизвестно, когда бы отпустили Дусю, если бы не маменька.

– Позвольте мне сына, – всунулась в двери ее взлохмачен-

ная голова, когда в очередной раз допрашивали потерпевшего «отца». – У меня на нервной почве случился инсульт, надо в «Скорую», пусть довезет... Или, простите, вы сами меня доставите? Ой, и правда ж! Вы ж на машине!

– Гражданочка! Я вовсе не извозчик вам! Мне совсем даже некогда с вами разъезжать! А ваш сын... который сын-то ваш?

– Вот этот, который перед вами мучается.

– Ага, так вот, ваш сын уже отмучился, он мне сегодня не понадобится. Забирайте!

Дуся с облегчением чмокнул матушку в лобик и заметил, как некоторые из сослуживцев (возле дверей столпилось прилично народу) спешно стали набирать на мобильниках номера родственников.

Дуся стремительно шагал домой. От такой спешки ноги его все время путались в шнурках, и Дуся через каждые два шага спотыкался.

– Дусенька, детка, завяжи шнурки... – быстро семенила возле сына мать. – Завяжи шнурки, говорю, позорище!

– Маманя, ну чего ты – завяжи да завяжи! Ты мне прямо с этими шнурками!.. Ну все мысли распугала, в самом деле! – взвился сынок.

– Ой, госсydi... чего там пугать... – кряхтела матушка, ползая возле ног сыночка и зашнуровывая ботинки. – Их, видно, еще в детстве у тебя кто-то спугнул. И чего мыслить? Надо искать твою жену с ребенком.

– Я вот думаю... – со слабой надеждой спросил Дуся. – А может, не надо?

– Может, и не надо, – охотно согласилась мать. – Другую ногу давай, завяжу. Тпрррру! Стой ты! Чего пляшешь-то? Я говорю – может, и не надо тебе искать... Я сама их найду! И через два дня преступник будет передо мной на стуле носом шмыгать! Ты ж меня знаешь.

– Знаю... Только лучше бы перед тобой не преступник шмыгал, а Радько со своей дочерью, – нахмурился Дуся.

Он и в самом деле отлично знал, с каким пылом матушка может заняться делом. И через два дня перед ней усядется весь роддом, начиная от главврача и заканчивая самим Дусиком.

– О! С завязанными шнурками ты прям жених! – крепко шлепнула сынка по попе матушка.

От такой ласки у Дуси чуть голова не отскочила. Он раздулся пузырем и готов был разразиться недовольством, но маменька уже нырнула в какой-то магазинчик. Пришлось тащиться туда и помогать родительнице с покупками.

– Я вот что подумала, а не могла твоя невеста сама удрать и ребенка похитить? – вдруг родила мысль Олимпиада Петровна.

– Мамадя! Ну зачем ей?! И потом, там такая ситуация... Ты же ведь ничего не знаешь!

– А ты расскажи! Вот сейчас придем домой и просвети мамочку! Кстати! Сегодня как раз не будут показывать мой

любимый сериал, поэтому я могу посвятить тебе весь вечер!

Дуся именно этого и боялся. Однако маменьке не удалось облить своим вниманием сына тотчас же, хотя и желалось.

Только-только Филины сытно поужинали, и Олимпиада Петровна привела себя в домашний вид, то есть надела халат с жар-птицами и сунула ноги в плюшевые тапки, как оглушительно задребезжал звонок.

– И кого там холера принесла? – не удержалась хозяйка. И тут же раздался ее масляный голос: – Алиса Викторовна! Сердце мое! Ой! А это что за прелестное дитя?! Ой! Нет-нет! Не могу поверить! Неужели Валенсия?! Ах, проказница, как похорошела!

Дуся в комнате скрипнул зубами – Алиса Викторовна с доченькой-перестарком заявлялись три дня назад. Трудно предположить, что Валенсия за это время похорошела до неузнаваемости. Похоже, матушка переигрывает. А в прихожей не прекращались лобызания.

– Алиса Викторовна! В этой хламиде вы божественна! Осторожно, Валенсия! Вы чуть не придавили Душеньку своими бахилами! Господи, ну и ножища! Но сейчас это модно! Ах, модница!

– Олимпиада Петровна! – верещала Алиса Викторовна, старательно ломая язык, как ей казалось, на французский манер. – Пгизнайтесь, вы уселись на албанскую диету? У вас погазительно похудели бедга!

Не далее как два дня назад матушка не могла втиснуться

в джинсы, комплимент тоже был топорным.

– Ах, ну что вы, я ни в чем себе не отказываю!

– Нет-нет, не лукавьте! Сидите! У вас даже талия взметнулась под грудь! Ужасно совгеменно с вашей стогоны!

– Дуся! Сынок! Немедленно накрывай на стол! – виляла маменька хвостами жар-птиц на халате. – У нас гости!

Дуся валялся в мамином фланелевом халате, на его коленях покоилась тетрадка, а ручкой он пакостливо разрисовывал красные букеты на кармане, то есть думал. А потому гостей не хотел. Тем более этих. Алиса Викторовна была какой-то старинной знакомой Олимпиады Петровны. Женщина всю жизнь проработала расклейщицей театральных афиш, поэтому считала себя натурой глубоко творческой. Разговаривала она только немилосердно картавя, пила чай лишь далеко оттопырив скрюченные мизинцы и при этом имела привычку постоянно чесать голову. Ее доченька, засидевшись в девках, мечтала выйти замуж, но все никак не могла отыскать жениха. После того как стало известно, что на Дусю Филина неожиданно свалилось наследство, Алиса Викторовна с дочерью отмечались у Олимпиады Петровны буквально каждые три дня, исправно принося хозяйке крохотный сувенир, и та млела. Сегодня гости принесли в дар хозяйке брошюру о выращивании индюков в городских условиях и длинный цветок бальзамина в маленьком пластиковом стаканчике.

– Это вам. Очень необходимая книжица! Себе покупали,

но для вас...

– Ах! Вы меня балуете! Надо же – индюков! Я слышала, мясо индейцев очень хорошо влияет на работу почек!

– Не индейцев, а индеек, – пробубнила красавица Валенсия. – И ни на что оно не влияет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.